

✳ МАВОЧКИ И ДЕЛЬЧИКИ № 20 ✳

Детский литературный интернет-журнал

4.05.09

<http://www.stichi.ru/author.html?velstran7>

□□□□□□□□□□□□□□

**БОЛЬШОЕ СПАСИБО, ДРУЗЬЯ, ЗА БАЛЛЫ, ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ ВАМИ
НА СЧЁТ ЖУРНАЛА:**

**СВЕТЛАНА ВИДЕРХОЛЬД - 109 БАЛЛОВ ПРОЗА.РУ
ВЕДА КОНГ - 300 БАЛЛОВ ПРОЗА.РУ
АЛЁНА ЗАХАРОВА - 100 БАЛЛОВ ПРОЗА.РУ
ТАМАРА МАРШАЛОВА 1000 БАЛЛОВ ПРОЗА.РУ
ТАТЬЯНА ВЕРЕСОВА 500 БАЛЛОВ ПРОЗА.РУ
ВЛАДИМИР СТРОЙНЕЦКИЙ - 500 БАЛЛОВ ПРОЗА.РУ
ВЛАДИМИР КОЖУШНЕР - 3000 БАЛЛОВ ПРОЗА.РУ
ВИКТОР ГВОЗДЕВ - 350 БАЛЛОВ СТИХИ.РУ
НИНА БРАГИНА - 1000 БАЛЛОВ ПРОЗА.РУ
ТАТЬЯНА БАБЦЕВА - 500 БАЛЛОВ ПРОЗА.РУ
ТАТЬЯНА КОВАЛЕНКО - 250 БАЛЛОВ ПРОЗА.РУ
ПЁТР ГАЛИГАБАРОВ - 500 БАЛЛОВ ПРОЗА.РУ
ЕЛЕНА РОЖКОВА-АСТАХОВА -
300 БАЛЛОВ СТИХИ.РУ И 300 БАЛЛОВ ПРОЗА.РУ
ГЕНРИХ ГОЛШТЕЙН - 500 БАЛЛОВ ПРОЗА.РУ**

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Благодарим вас за сказки, загадки, стихи и рассказы для детей, за фото и детские рисунки, предложения помощи и отзывы, которые вы присылаете, за подписку на журнал. Ежедневно мы получаем от вас большое количество материалов для публикации и надеемся, что наше общение с аудиторией будет только расширяться. Если вы сами пишете для детей и хотите, чтобы вас читали ваши дети, присылайте свои произведения по адресу: mavdel@mail.ru . Лучшие будут опубликованы.

Редакция оставляет за собой право на использование присланных материалов с максимальной их адаптацией к формату и специфике журнала.

Для авторов подготовлены красочные наградные дипломы трех степеней: за публикацию трех, десяти и тридцати произведений.

Чтобы подписаться на журнал достаточно выслать письмо с просьбой о подписке по этому же адресу (mavdel@mail.ru).

Просим вашей помощи в нахождении адресов электронной почты детских домов, приютов, школ-интернатов и прочих учреждений для неимущих детей, инвалидов и сирот, чтобы мы могли предложить им стать нашими читателями.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ КОНКУРС НА ТЕМУ «МОЯ СЕМЬЯ»
ПРОСИМ АВТОРОВ ПРИСЫЛАТЬ ОДНО ЗАЯВЛЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ,
ПРЕДНАЗНАЧЕННОЕ ДЛЯ ДЕТСКОЙ АУДИТОРИИ, НА АДРЕС
mavdel@mail.ru ДО 15 ИЮЛЯ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО В СТИХАХ ИЛИ ПРОЗЕ
РАЗМЕРОМ ДО 5000 ЗНАКОВ С ПРОБЕЛАМИ (ПРИМЕРНО 3.5 - 4 СТР. А4)
ПРОИЗВЕДЕНИЯ-ЛАУРЕАТЫ ПОЛУЧАТ СЛЕДУЮЩИЕ НАГРАДЫ:

1-Е МЕСТО - АНОНС*

2-Е МЕСТО - 2000 БАЛЛОВ*

3-Е МЕСТО - 1500 БАЛЛОВ*

* - АНОНС НА ГЛАВНОЙ СТРАНИЦЕ ИЛИ БАЛЛЫ САЙТА, НА КОТОРОМ
АВТОР ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЗАРЕГИСТРИРОВАН:

СТИХИ.РУ ИЛИ ПРОЗА.РУ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ЗАНЯВШИЕ ПЕРВЫЕ 5 МЕСТ, БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ В
ЖУРНАЛЕ «МАВОЧКИ И ДЕЛЬЧИКИ»

Тут же хотим особо отметить, что без обратной связи нам будет очень трудно отражать интересы своих читателей. Поэтому просим: продолжайте высылать ваши предложения, пожелания и замечания на вышеуказанный адрес.

Редколлегия благодарит автора Любовь Розенфельд за неоценимую помощь в подготовке издания.

Хочется надеяться, что журнал «Мавочки и Дельчики» понравится вам, и наши старания не пропадут даром.

Всем удачи, радости, больше улыбок, хорошего настроения и приятного чтения.

Редколлегия журнала.

Из отзывов читателей:

Спасибо за журналы ваши, такие они красочные и содержательные, не только детям, а и самой приятно почитать, полистать странички. Хорошие авторы, искренние и солнечные произведения. Спасибо!

Елена Шаламонова.

Большое спасибо, Илана, за присланный журнал.
Всегда читаю его с огромным удовольствием.

С уважением,
Светлана Снегова.

Спасибо!

Журнал получила. Очень благодарна.

Компьютера в нашем клубе, к сожалению, нет, но журнал обязательно буду рекламировать друзьям и знакомым. В нём много интересной и полезной информации.

С теплом, Татьяна Лаврова

Дорогие Илана, Григорий! Сегодня у меня тройной праздник.
Во-первых, Вы опубликовали еще один мой рассказ на сайте Литсовет.ру. Спасибо! Диплом очень красивый! Очень приятно, что мои произведения Вам нравятся.

Во-вторых, вышел еще один номер любимого журнала "Мавочки и Дельчики". Он получился такой яркий, весенний, праздничный!!!

В-третьих, все перечисленные приятные события, а также второе место в конкурсе о бездомных животных совпали с выходом в свет моей второй книги. Сегодня получила сигнальный экземпляр. Книга будет называться "Казачок" и в ней собраны все мои рассказы и сказки для детей.

Благодарю Вас, друзья мои, за то, что Вы несете людям радость и добро, за то, что и у меня появилась возможность вносить небольшой вклад в общее большое дело. Для нас, молодых авторов, это очень важно! Это так здорово - знать, что твои произведения нужны детям.

Желаю Вам неземного счастья, отличного весеннего настроения, новых хороших идей, а самому лучшему в мире журналу - процветания и широкой аудитории. Пусть для него всегда и везде горит зеленый свет!

С уважением

Ваш автор Галина Харламова.

Спасибо, Илана. У меня есть трёхлетний ребенок. Я уверена, что ему, как и мне, понравится Ваш прекрасный журнал.
Мадина Омарова

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ПРАЗДНИКОМ - ДНЕМ ПОБЕДЫ!

Ты один перед ними, один...
Будут снова проклятые мучить и бить,
Будут снова кричать: «Чей ты сын?»
Не по-детски, ах как не по-детски глядишь!
Полететь и помочь бы тебе...
На допросы идёшь, как Мальчиш Кибальчиш,
Зажимая звезду в кулачке.
Ты прости! Партизаны застыли в лесах.
Фронт в салюте едином застыл.
Ты прости нас, сыночек, за муки и страх,
Что не мы, а ты их победил...
Мы уже не успеем на помощь прийти,
Пострелёнок ты родненький наш.
А сердечко, сердечко клокочет в груди,
Ты звезду никому не отдашь.
Мы схороним, родимый, тебя над рекой,
Пионерскую песню споём.
Ты орлёнком взлетел над огромной страной -
Но для всех будешь гордым орлом.
Ровно в десять ты выйдешь на берег реки
И звезду крепко в ручках сожмёшь.
А глаза!? А в глазах даже нет и тоски -
Голубы, как весной небосвод...

Рисунок Сергея Марценкевича 12 лет «Юный герой»

ГОРБУШКА ХЛЕБА ДЛЯ МАМЫ

Феликс Россохин

Давно уже шла война.

В детском садике каждый хотели, чтобы за обедом ему достался хлеб горбушкой. Нет, мы не просили и не кричали:

- Дайте мне горбушку!

Мы, молча, сидели и ждали. И надеялись. Но горбушек было мало, хлеб нянечки резали очень тонкими ломтиками.

Горбушке мы радовались вот, почему. За обедом мы выедали из нее весь мякиш. А оставшуюся корочку в виде лодочки с тремя буртиками мы не ели, а прятали в свой шкафчик.

Корочка была с тремя буртиками, потому что хлеб давали не целым ломтем, а половинку.

Кто-то корочку доедал после. А я ее вечером переключивал в свои трусики. И нес домой. Для мамы. В трусиках, наверное, был карманчик. Я не помню, как давал маме хлеб. Дети изобретательны, когда они капризничают. А когда делают добро, то это – молча. Потому что по Евангелию дети войдут в Царство Небесное. И добро они делают втайне, молча, не трубя о нем. Надеюсь, и я поступал так же.

Мама клала корочку в кухонный шкаф. А вечером, за чаем, доставала ее. С другой, скудной, конечно, едой. И как-то делила все это. А себе брала крошечку.

Так вот горбушка опять приходила ко мне. Совершив круг простой трогательной любви.

УЧИТЕЛЬ

Игорь Панфилов

*(Светлой памяти моего Учителя
Григория Григорьевича Матрунецкого посвящаю)*

Долгий, зимний, морозный вечер 1966-го. Мы, ученики 6 класса, сидим и слушаем директора школы, учителя истории Григорь Григорича, как тогда

его называли. Слушаем, едва дыша, самозабвенно, даже слышно, как снежинки, ударяясь, стучат о стекло. И не потому, что о строгости и справедливости нашего учителя ходят легенды, просто рассказчик он отменный. История древнего мира предстаёт перед нами в

захватывающем, красочном, полном остроты и динамизма, изложении. Звенит звонок последнего урока, но никто не реагирует на него, впереди ещё - классный час, все об этом помнят, ещё звонок... рассказ достигает своего накала и спустя десять минут заканчивается. Как замороженные, сидим мы тихо, молча переваривая повествование учителя.

- А теперь перейдём к классному часу и поговорим об успеваемости, - выводит из этого состояния голос педагога.

- Расскажите нам о войне - вдруг раздаётся диссонансом к теме просящий голос из последних рядов.

Учитель морщится, но, видимо, тронутый внезапной непосредственностью говорившего, смягчается: - Десять минут посвятим учёбе, а затем я расскажу вам о войне.

Опускаю эти минуты и приступаю к рассказу учителя.

* * *

Было это в сорок четвёртом, когда наши войска на всех фронтах перешли в наступление и освободили много территорий. После того образовалась небольшая заминка, война приобрела несколько позиционный характер, силы у обеих сторон немного выдохлись, да и стратегам нужно было время для разработки дальнейших планов. На первое место начала выходить война умов, основанная на чётких и достоверных разведках.

Служил я в ту пору в лётном полку, стоявшем на севере нашей страны. Тогда-то и случилась эта история.

Ни днём, ни ночью не давала нам покоя немецкая авиация. Только мы на задание вылетаем, а она - тут как тут; возвращаемся на свой аэродром, а она, как будто нас поджидала, чтобы обстрелять и побомбить. От такой назойливой опеки и, соответственно, больших потерь с нашей стороны, просто руки опускались. Ясно было, что для того, чтобы так нагло себя вести, надо иметь хорошую базу с умело замаскированным аэродромом и прикрытием. По данным наземной разведки выходило, что базы такой на ближайшие триста километров у немцев быть не должно: впереди горы, а какой аэродром в горах? Из лётной же разведки возвращались немногие, а вернувшиеся рассказывали про сильный, практически неприступный заградительный огонь. Значит, было там что-то. Но все попытки узнать оканчивались неудачей. В конце концов, немцы набили нам столько шишек, что данный участок фронта выглядел, как бельмо на глазу. Стыдно было перед соседними воинскими частями и фронтами. Мириться с этим дальше было просто нельзя.

От командования пришёл категорический приказ: «Любой ценой узнать, где находится секретный аэродром противника, и уничтожить его».

Для разведывательного полёта отобрали пятерых добровольцев. Среди них самый молодой - Гришка, шустрый, цыганских кровей парень, совсем сопляк ещё, только-только восемнадцать стукнуло. Однако имел

он в своём арсенале уже несколько сбитых вражеских самолётов. Видимо, это и сыграло роль при отборе.

Вылетели поздно вечером, построились клином. Над головой - тёмно-синее в лучах заходящего солнца небо, с высыпавшими искорками звёзд; внизу - заснеженные поля с длинными тенями отдельно стоящих, припорошенных снежком, деревьев; тихо, идиллия... одним словом, как будто, и нет войны. Но безмятежное спокойствие внезапно исчезло: на горизонте появились и быстро выросли три черные точки - вражеские перехватчики. Разгорелся жестокий, скоротечный бой. Перехватчики противника уже никогда больше не поднимутся в воздух. Но и мы потеряли две машины - один из наших самолётов был подбит, другой - здорово повреждён. С трудом развернувшись, он возвращался на базу.

Полёт продолжили втроем. Благополучно миновав первую горную гряду, километров через тридцать-сорок, самолёты наткнулись на плотный заградительный огонь немецких орудийных батарей.

Ад стоял кромешный, казалось, что разрывы снарядов происходили внутри воздушной машины, вот задымился и упал самолёт командира группы. Почти одновременно лётчик впереди идущей машины сообщил по радиации, что получил серьёзное повреждение и возвращается. Короче, прорвался через артзаслон только один, наш Гришка.

Что делать дальше? Полетав кругами и ничего не обнаружив, он задумался: «Как же так, ведь должны же были немцы тут защищать хоть что-то, а иначе, зачем держать в горах столько артиллерии?» Сделал ещё круг, чуть пошире - ничего, кроме разве небольшого, подозрительно ровного, округлой формы плато. Но его размеров явно не хватало - ни для взлёта, ни для посадки. Тем более что вокруг - одни остроконечные горные пики.

Расширять зону поиска дальше или обследовать ущелья на меньшей высоте уже нельзя было: горючего - в обрез, только на обратный путь. Возвращаться? Но задание не выполнено, а это значит, что опять потом полетит кто-то другой. И сколько потерь ещё будет с нашей стороны, представить страшно. Сможет ли он, Гришка, смотреть после этого в глаза своим товарищам? Нет и ещё раз нет!

И решил Григорий искать до тех пор, пока оставалась хоть капля бензина. На худой конец до равнины кое-как дотянуть можно, если повезёт, там спланировать, а результат сообщить по радиации. Вместе с тем, искать вслепую тоже не годится. Должно существовать какое-то простое решение, надо только перехитрить противника. Думай, Гришка, думай! Стоп! А что, если запросить у немцев... посадку? Что выкинут они в ответ на этокое нахальство? Не откладывая, стал Григорий на малой скорости и высоте покачивать крыльями своего самолёта. Это означало «Прошу посадки» на языке авиаторов.

То ли немцы подумали, что это - перебежчик, то ли понадеялись на мощь своей оборонительной системы (мол, куда он денется), только знак приземления в форме большой буквы «Т» вдруг появился на краю

того самого странного плато. Но куда садиться? Тормозного пути однозначно не хватит, а плато заканчивается отвесной пропастью, кувыркнёшься – костей не соберёшь. Или немцы специально так шутят? Отбросив сомнения и не раздумывая больше, лётчик надавил на штурвал от себя, ведя машину вниз. Стрелка альтиметра резко дёрнулась влево, до земли оставались считанные сантиметры, а пропасть всё ближе и ближе. – Всё, – подумал Григорий. – Сейчас разобьюсь.

И, уже приготовившись зажмуриться в последний момент перед соприкосновением с землёй, увидел, как разверзлась гора напротив, и из огромного отверстия в ней быстро выдвинулась к краю плато телескопическая дорожка – недостающий отрезок тормозного пути! Секретный аэродром находился внутри горы! Такого даже в сказке представить себе было невозможно. Мгновенно осознав всё, Гриша машинально надавил на газ, вытянув штурвал на себя, и каким-то чудом сумел взлететь между соседними островерхими горными пиками. Что тут началось! Казалось, горы взорвались от яростной канонады. Разъяренные потерей сокровенной тайны фашисты пустили в ход всю мощь своей оборонительной системы. Стреляло всё, что могло стрелять, временами казалось, что само небо раскололось от разрывов снарядов, машину трясло, как в лихорадке, и вырваться из этой свистопляски было невозможно. Парень закрыл глаза, мысленно простился с близкими и друзьями и поручил себя Богу. Но руки со штурвала и ноги с педали газа не снял. Верной оказалась старинная русская пословица: «На Бога надейся, а сам не плошай». Добавлю: «помогают тому, кто везёт». Пронесло и повезло, можно сказать.

* * *

Уже потом, на своём аэродроме, сослуживцы насчитали ОКОЛО ТЫСЯЧИ(!) пробоин, дыр и следов от пуль и снарядов в обшивке Гришиного самолёта, с трудом дотянувшего до своих. Одно то, что он долетел на исковерканной машине, по сути, горЕ металлолома и фанеры, считалось чудом. Бывалые пилоты отказывались в такое верить...

Секретную авиабазу противника разбомбила в ту же ночь наша авиация, а Григория, нашего боевого товарища, представили к награде. Как потом оказалось, немцы строили её 15 лет и ангаров с телескопическими взлётными полосами, ведущими в полость окружающих горных пиков, было несколько. Вот так.

* * *

...Некоторое время спустя, в разговоре с дочерью нашего учителя (она училась в одной с нами школе), мы похвастались рассказом её отца.

Мгновенно посерьёзнев, девочка произнесла в ответ: «Это ведь он про себя рассказал, за тот аэродром его к Звезде Героя представили».

* * *

...Вспоминая сейчас, в начале двухтысячных, своего Учителя и тот давний рассказ, я испытываю необычайное чувство гордости и невысказанной благодарности за то, что судьба дала мне такого наставника. И не просто настоящего, преданного своей профессии Учителя с большой буквы, но Человека и Героя, светлая память о котором до сих пор служит мне ориентиром и образцом для подражания в жизни.

И я говорю ему, пусть запоздалое, но искреннее спасибо. Спасибо за тот след, что оставил в моей жизни. Спасибо за воспитанные в нас, его учениках, светлые идеалы, которые мы, в свою очередь, стараемся привить нашим детям и внукам.

Иллюстрация Елены Мельниковой

2001 г.

ИГРУШКА

Ульяна Яворская

(Дню победы посвящается)

За компьютером правнук сидит,
У него на диске игрушка.
- Деда, хочешь, иди, погляди,
Как удачно сыграл я в войнушку!
И захлеб он деду кричит,
Где и как набираются баллы,
Кто живой в игре, кто убит,
А кого на куски разорвало.
Дед за сердце схватился рукой,
Дни военные в памяти всплыли:
- Разве можно без слез, внучек мой,
Выговаривать слово «убили»!?
Нет!.. Война - это боль, это пот,
Это смерть лейтенанта-мальчишки,
Это в крике разверзшийся рот,
Это кровь в недочитанной книжке.
Это горе сирот, матерей,
Получивших о смерти бумаги,
Это ужасы концлагерей
И горящие танки в овраге...

Правнук тихо игру отложил,

Руки спрятал в большие карманы.
 Столько вёсен прошло, но свежи
 Ветеранов старые раны.

САЛЮТ

Баби-Бумс Ана Трофимова

В небе черном - три фонтана -
Ярких, огненных тюльпана!
Как цветы, раскрылись искры,
А растаяли - так быстро!..

Снова: «Бам!» - светло, как днём!
Небо светится огнем!
Красный, желтый, белый, синий -
Сотня звезд и сотня линий!

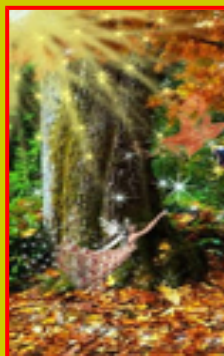
Я салют смотреть готов:
Сто минут и сто часов!
Вот бы каждый день салют -
Сто часов и сто минут!

БЕРЕЗКА 2

Григорий Тер-Азарян

Глава 3
 РОЗЫ

Начало в номере 18.

Гном внимательно читал, что-то тихо шептал, как бы сам с собой

совещаясь, и все ждали, что же он решит, так как волшебный кинжал подчинялся только ему. Наконец Топаз закрыл книгу и произнес:

– Надо попытаться расколдовать Березку. Я сам много натерпелся от Колючей Ветки, но если мы сможем расколдовать ее, и она станет прежней доброй феей, то это необходимо сделать.

– А я против! Я – против этого!!! – воскликнул Фырк. – Вот увидите, что из вашей затеи ничего хорошего не получится. Может, Колючая Ветка сейчас и стала доброй волшебницей, но кто ей помешает вновь превратиться в злую колдунью?

– Мой друг прав, – кивнул Агат. – Тут нечего возразить. Кто может обещать, что на самом деле такого не будет?

– Давайте перестанем спорить и так решим, – предложил Топаз. – В первую очередь увидим, что появится после начальной насечки, а потом снова внимательно поищем в книгах, каким образом Березку расколдовать, чтобы она не могла превратиться в злую колдунью.

– Солнышко восходит, надо поторопиться, – проухал Филин. – Потом не успеете.

Топаз произнес заклинание, и кинжал плавно подлетел к нему.

Как только первый луч коснулся вершины березки, гном сделал на её стволе глубокую насечку.

Все ждали, что же произойдет.

На месте удара появился маленький росток, который начал сразу увеличиваться.

– Это роза, – улыбнулся Агат. – Я знаю.

– Откуда ты знаешь? – со слабой надеждой потянул его за рукав ежик.

Он и не успел договорить, как на стволе Березки распустилась дивной красоты красная роза.

Цветы сразу же прекратили свой танец, стихла и музыка, а на ветку деревца сел соловей и стал заливаться волшебными трелями.

Все еще долго разглядывали розу. Не верилось, что такой прекрасный цветок может расти на Березке.

А ее ветки опустились, как бы прикрывая розу от палящих лучей летнего солнца.

– Нам надо пойти домой и там все хорошенько обдумать, – обратился к феям Топаз.

– Мы останемся здесь, – почти хором ответили Утренняя Роса, Голубая Капелька и Воздушное Облачко.

– Мы будем этому очень рады, – улыбнулся Топаз. – Нам надо всем вместе подумать, что делать дальше. Но прежде стоит немного отдохнуть и перекусить.

Остальные феи стали прощаться. Утренняя Роса пообещала им сообщить, расколдуют Березку или нет.

Волшебницы сели в свои кареты и вскоре растворились в воздухе, а Березка ласково шелестела листьями, и ее ветки как бы гладили розу.

Феи с гномами и Фыркком направились к пригорку.

Весть о Березке распространилась по всему лесу. Белочки друг другу рассказывали и вновь пересказывали эту новость. Каждая из них отдельно все передавала Кроту. Тот внимал рыжим болтуням, как будто слышит рассказ впервые, а в конце его уже в сотый раз изумлялся: «Неужели на березке распустилась красная роза? Даже не верится, что такие чудеса возможны...»

А Филин только ухал сверху, как бы подтверждая, что все рассказанное – правда. Было видно, что он очень доволен происшедшим.

Повсюду, и особенно на полянке, летало множество красивых бабочек. Настолько ярких бабочек тут никогда не бывало. Весь лес, как бы, украсился и принарядился в ожидании чего-то волшебного и радостного. Даже шелест листы казался иным, а стрекот кузнечиков стал особенно звонким. Казалось, что даже малая травинка и букашка радуются тому, что на Березке распустилась красная роза.

Перекусив и отдохнув, все собрались в большой комнате у гномов. – Как тут красиво! – восторгались феи. – Какие же вы умельцы, так чудесно создали интерьер!

А те только смущенно улыбались, и было видно, что они очень довольны похвалой.

Резные дубовые шкафы – почти до самого потолка, и множество различных полок расположилось вдоль стен. А в самой середине комнаты стоял большущий дубовый стол со стульями. Все это было украшено накладками из чеканного серебра.

– Вот в этой самой комнате мы с Принцессой и сидели, – показывал Фырк. – И, не предупреди нас Крот, что Колючая Ветка совсем близко, не находиться бы нам сейчас здесь. На нас была бы надета маска, и мы стали бы слугами злой колдуньи.

При упоминании Принцессы Утренняя Роза радостно улыбнулась. Она стала рассказывать, что часто гостит у Лотты с Аленом, что они оба счастливы, здоровы, чуточку повзрослели и стали еще прекрасней, а их королевство процветает.

– Надо и Принцессе рассказать про деревце, – предложила фея, – но сейчас необходимо решить, что делать дальше: расколдовывать Березку до конца или нет?

Всем были хорошо памяты проделки злой колдуньи.

Топаз принес свои волшебные книги. Следовало отыскать в них запись, рассказывающую, как избежать превращения Березки вновь в злую колдунью.

Фырк, не умеющий читать, постоянно подходил к гномам и феям, спрашивая:

– Ну что, не нашли? А может, и не надо ее расколдовывать? Ему никто не отвечал, и только Агат изредка посматривал на него и улыбался.

– Перестань с ухмылкой глядеть на меня, – обижался Фырк. – Вы все такие смелые и добрые, а я хорошо помню, как был и сухой веткой, и мухомором, и улиткой.

Агат еще шире улыбнулся. Наконец Фырк умолк, устало вздохнул и пристроился в углу, грызя орехи. Комната наполнилась тихим чавканьем и сопением.

– Вот, послушайте, что здесь написано, – прервал молчание Топаз. – Если при нанесении последней насечки прочесть вот это заклинание, то фея никогда не сможет стать злой колдуньей. А если прочесть другое заклинание и в воздухе трижды нарисовать волшебный знак, то фея станет самой сильной и злой колдуньей, против которой невозможно будет бороться.

– Что ты предлагаешь, Топаз? – стали интересоваться феи и гномы. – Как поступим на рассвете?

Фырк оторвался от еды и тоже внимательно слушал. Сейчас его уши от напряжения даже подрагивали.

– Я предлагаю расколдовать Березку, – прекратив чтение, поднял голову Топаз. – А вот эту волшебную книгу и кинжал так спрятать, чтобы только я один знал, где они находятся. Тогда Колючая Ветка никогда не сможет стать злой колдуньей.

– Посмотрите, что я нашла! – обрадованно воскликнула Голубая Капелька. – Если к заклинанию, которое прочтет Топаз, при нанесении последней насечки добавить еще вот это заклинание, то добрая фея, сможет всего на месяц оставаться злой колдуньей, после чего она навсегда превратится в отвратительную жабу.

– Но за месяц она сможет нанести столько вреда, что потом будет и неважно, станет она жабой или нет, – проворчал Фырк.

Но его никто не слушал. Все решили, что непременно стоит расколдовать Березку.

– Вы еще пожалеете, что не посчитались со мной, – повторял Фырк. – Еще есть два дня, зачем торопиться?

– Помолчи Фырк, – обратилась к нему Утренняя Роса. – Вот представь, если бы ты стал березкой, тебя можно было бы расколдовать, а мы бы этого не сделали...

– Но я бы никогда не стал Колючей Веткой, – возразил ежик, – и никого не превратил бы в гоблинов и чудовищ.

– Мы знаем, что ты добрый и смелый ежик, – засмеялась Голубая Капелька. – Но я почему-то уверена, что, в конце концов, ты подружишься с Колючей Веткой.

– Никогда я не подружусь с этой злюкой, – проворчал Фырк. – Пусть она с другими общается, а мне лучше с белочками водиться. От них никогда не ждешь подвоха.

Так в разговорах и воспоминаниях о бывших приключениях прошел весь день.

Когда наступила ночь, выход из подземелья открылся, и все отправились на полянку. Она была еще нарядней, чем накануне. Тюльпаны с маками танцевали новые танцы, и месяц со звездочками снова спустились, чтобы любоваться зрелищем.

На этот раз на полянке собрались все белочки и мышки леса. Даже Крот пришел сюда. И, так как он ничего не видел, ему постоянно рассказывали, что происходило вокруг. Даже лягушки с ближайшего озера пришли смотреть на танец цветов и от восторга непрерывно квакали и высоко подпрыгивали.

Фырк не разговаривал ни с кем. Было видно, что он на всех страшно обижен. Белочки несколько раз пытались было с ним завести беседу, однако, видя, что он не в настроении, потом и вовсе отстали от него. Гномы с феями сидели под Березкой, любовались прекрасным зрелищем и о чем-то тихо переговаривались. Все ожидали рассвета. Только Агат изредка поглядывал на Фырка. Он видел, что его друг расстроен и переживал из-за этого. Ведь во время приключений он очень полюбил ежика, и теперь ему было неловко, что Фырк даже избегает его и сторонится.

Ночь пролетела совсем незаметно, и вскоре горизонт начал светлеть, показывая, что вот-вот взойдет солнце. Месяц со звездочками давно покинули полянку, и все с нетерпением ждали, когда же проглянет первый луч солнца.

Вот горизонт совсем заалел, и Топаз подошел к Березке.

Как только первый луч коснулся ее кроны, он произнес заклинание и нанес вторую насечку. Опять появился росток, но он был значительно больше вчерашнего и еще быстрее рос. А через несколько мгновений на Березке распустилась благоухающая, желтая роза. Казалось, что в глубине цветка спрятан кусочек солнышка. Роза была, словно сделана из янтаря, и вся переливалась. Она была так прекрасна, что даже Фырк не выдержал и решил подойти ближе, чтобы полюбоваться ею.

Когда ежик подошел к Березке, одна из веточек протянулась к нему и ласково зашелестела. Фырк начал громко сопеть, засмутился, потом протянул лапку. Листочки еще радостней зашелестели, и веточка погладила ее.

– Вот видишь, какая она добрая, – тихо проговорил Фырку Агат. – Зря ты так боялся.

Тот ничего не ответил гному, только еще громче засопел. В его глазах заблестели слезы.

– Просто я очень боюсь, – тихо прошептал он. – Ты же все хорошо понимаешь.

Агат только кивнул, потом погладил друга, взял его за лапку, и они подошли к феям и гномам.

– Видишь, Фырк, как Березка тебя любит, – улыбнулась Утренняя Роса. – Теперь я совсем уверена, что вы подружитесь.

Колючий клубок вновь громко засопел, потом распрямился, встал на задние лапки, подошел к белочкам, сам того не замечая, взял одну из них за хвост и начал пританцовывать.

Вскоре вокруг Березки кружился веселый хоровод. Танцевали и феи, и гномы, и лягушки, и мышки. А кузнечики и сверчки еще громче стрекотали в такт танцам. В воздухе носились бесчисленные стайки мотыльков и бабочек. Даже пчелки прилетели и очень осторожно садились на розы, боясь их потревожить.

– Сегодня последний день она остается Березкой, – произнес Агат. – Надо обязательно пригласить Принцессу с Принцем. Пусть и они посмотрят, как рождается новая, добрая фея.

– Я сейчас же полечу к ним, – откликнулась Утренняя роса. – Думаю, что к вечеру мы будем уже здесь.

– Я тоже хочу к Принцессе, – обратился к фее ежик. – Ведь мы так давно не виделись. Я уверен, что и она будет рада видеть меня.

– Ты лучше оставайся здесь, – обратился к другу Агат. – У нас с тобой сегодня – еще множество дел. Кроме того, будет лучше, если ты пойдешь на озеро и все расскажешь рыбкам. Ты ведь не забыл, как они нам тогда помогли, а сейчас никто им ничего не поведал про Березку. А вечером Принцесса Лотта с Принцем Аленом будут здесь, на полянке, и ты сможешь сам обо всем рассказать им.

– Хорошо, – совсем повеселел Фырк. – Только я еще немного побуду около Березки, а потом пойду к озеру.

Агат хитро улыбнулся...

ДИМКА - ЦИРКАЧ

Гуля Риф

Димка Пуговкин, мой друг – чудило! Ему постоянно что-то придумывается, постоянно неймётся. Например, совсем недавно нафантазировал, что станет астронавтом.

– Буду совершать межгалактические путешествия, открывать новые обитаемые и необитаемые планеты, – размечтался он, лёжа на моём диване.

– Таких межгалактических кораблей ещё нет, и астронавтов дальнего плавания, вернее, дальнего полёта, тоже нет, – стащил я его с небес на Землю.

Димка вскочил с дивана, начал бегать по комнате, взбудоражено размахивать руками и кричать:

– Ты, Колька, вечно так – совсем не смотришь в будущее. Пока я вырасту, а расти мне ещё долго, построят такие корабли, и понадобятся астронавты дальнего плавания, то есть полёта. И вот тут появлюсь Я! – звонко хлопнул себя по груди Пуговкин.

– Димыч, Димыч! – произнёс я скептически и покачал головой. – Когда построят такие корабли, понадобятся АСТРОНАВТЫ, а не шаляй-валяй, которые спортом не хотели в школе заниматься и были слабыми троечниками.

– А ты мне моими тройками постоянно в глаза не тычь! – взорвался вдруг Димка и снова упал на диван. Его брови покраснели от обиды. Странные всё-таки брови были у Димки, они краснели не только от радости и злости, а ещё от обиды. Прямо индикаторы настроения какие-то, а не брови.

– Я не тройками тычу, а хочу объяснить тебе, садовая ты голова, что когда построят корабли, понадобятся грамотные и спортивные астронавты. Во-первых, в космосе надо выдерживать всяческие нагрузки, а потом, Димка, прилетишь ты на обитаемую планету, чем удивишь инопланетян? Какими знаниями поделишься? Скажешь им: «Хэлло, папильотки!» - и всё? Или ты, землянин, расскажешь, откуда кратеры на Луне?

Димка загоготал, тут же вспомнив короткую любовь и недавнее экстраобучение. Я тоже засмеялся.

– Да-а, ты прав. Одними папильотками тут не обойтись. А знаешь! – вскочил он опять с дивана, выпучив глаза. – Я раздую шар из жвачки... вселенских размеров. Уж к тем годам, когда появятся межпланетные корабли, я научусь раздувать такие вселенские пузыри. И вообще, прямо с этой минуты начну тренироваться, – и Димка, закинув ноги на турник, который мне папа приладил в дверном косяке, повис вниз головой. – Наверняка, мне в космосе придётся висеть вниз головой. И ещё это, – пробормотала его перевернутая голова. – Надо приспособиться ловить ртом всякие съедобные разности. Я видел по телевизору, как наши космонавты ртом пищу заглатывали. Она плавала рядом с ними, а они – разз! Хапп! Хамм! Так что, давай, Колька, быстрее тащи что-нибудь глотательное и бросай, – поторопил меня Пуговкин.

– Есть кукурузные палочки.

– Во! Самое то! – обрадовался Димка. – Они и по размеру подходят, и воздушные...

Теперь Димка тренировался каждый день и только у меня дома. У него турника не было. Бабушке и дедушке мы сразу всё объяснили, чтобы они не пугались перевернутого Димки. Мама и папа тоже всегда, когда приходили с работы, заставляли Димку, болтающегося вниз головой в

дверном проёме. Пол в моей комнате был постоянно усыпан то кукурузными палочками, то хлопьями, то попкорном...

Мама молчала, подозрительно смотрела на нас, а вот папа один раз не выдержал и сделал замечание:

– Почему беспорядок? – прикрикнул он. – Быстро собрали мусор с пола!

– Это, дядь Стёп, не мусор, – возразил перевернутый Димка, – а предполагаемая космическая еда. Смотрите, как я учусь ловить её ртом. Колька, бросай!

Я начал без перерыва кидаться в Пуговкина кукурузками, а он раскачивался, широко открывал рот, – пытался поймать хоть одну воздушную палочку. Я перекидал весь пакет, но Димке в рот ничего не попало, хоть я и целился.

Папа задумчиво смотрел на нас.

– Какова цель? – спросил через некоторое время. – Ты, сын, должен попасть в рот Димке? – принялся уточнять он, увидев, что мы не поняли его вопроса, – или Димка *сам* должен поймать?

– Я - поймать, – прыгивая с турника, ответил Пуговкин.

– Тогда зачем ты целишься? – уставился папа на меня.

Я пожал плечами и буркнул:

– Чтобы помочь Димке.

– Вы пошли не тем путём. В тренировках надо идти от лёгкого к сложному. Пусть Димка сначала научится ловить вот это, – потряс папа пустым пакетом, в нормальном положении.

– Дядь Стёп, вы – гений! – заорал Димка и крепко пожал руку, правда, не папину, а мою.

Димка упрямый, если чего захочет, – будет добиваться. Вот бы и в учёбе такое упорство проявлял. Я-то Пуговкина знаю, он сообразительный, только уроки делать ленится. Вот я придумал хитрость:

– Димка, – твёрдо сказал я ему. – Буду тебя тренировать, только после того, как уроки сделаем. Хватит тебе списыванием заниматься. Твой котелок не хуже моего варит.

Как ни странно, но Пуговкин сразу согласился.

– Ты прав, Николая, пусть мой котелок, – он постучал себя по темечку, – тоже тренируется. Ум астронавту не помешает.

Представляете, Димка всего за месяц наловчился ловить ртом всякие мелкие вкусности. Он, словно умный пёсик, с разных положений хватал всё то, что я подкидывал в воздух, и так ловко это проделывал, – хоть в цирке с ним выступай. Вот только в перевернутом виде ничего у него не получалось. Как ни тренировался, всё впустую. Столько кукурузных палочек я на него извёл, столько попкорна загубил, столько-столько всего, что даже перечислять не хочется.

– Всё, не быть мне астронавтом, – расстроено проворчал в одну из тренировок Димка, безвольно раскачиваясь на турнике вниз головой. –

В первом же путешествии бездарно пропаду с голода. – Он сполз с турника и завалился на диван. На него было жалко смотреть: брови покраснели, глаза опечалились.

– Димка! – закричал я, ободряюще хлопнув в ладоши. – Что я вспомнил! – а сам лихорадочно в этот момент соображал: «Что бы вспомнить успокоительное?»

Пуговкин, печально взирая на меня с дивана, тоскливым голосом, очень похоже на ослика Иа, простонал:

– Не успокаивай меня, Николая, перед тобой - неудачник.

Тут я и в самом деле кое-что припомнил:

– Димыч, астронавице ты мой дорогой, я вспомнил! Давно видел по телевизору, как космонавты глотали воду не в перевёрнутом виде, а в нормальном. Представляешь, стакан по воздуху «порхал» сам по себе, а вода – сама по себе. Я тогда ещё удивился: «Ничего себе – вода, а летает!»

– Это всё из-за невесомости, – вяло пояснил Димка.

– И, вообще, друг, – не сдавался я. – С чего ты взял, что будущие астронавты должны именно вверх ногами кормиться? Ты же будешь продвинутый астронавт, о-го-го какой!

Димка внимательно смотрел на меня. Его брови постепенно посветлели, а потом опять покраснели, но уже от радости.

– В самом деле, что это я зациклился? – удивился он, оживляясь. – Может, к тому времени еду совсем отменят. А что? Проглотишь специальную капсулу и сыт на сто лет. Да, наверняка, так и будет. А что же с новым умением теперь делать? – развёл растерянно руками, продолжая валяться на диване.

– В цирке выступать, – пошутил я. Мы засмеялись.

На следующий день в школе такое событие произошло!

На самой длинной перемене мы с Пуговкиным стояли в коридоре у окна, вокруг нас – толпа Димкиных поклонников. Все просили его раздуть шар, а он отнекивался, и отнекивался.

– Я не в форме, – говорил Пуговкин. – У меня, если хотите знать, спортивная травма. Зуб запломбировали, – и начал, широко открывая рот, показывать пломбу. Пломба в зубе оказалась не редкостью для собравшихся. У некоторых этих пломб было полным полно. С разочарованными звуками: «Уууу», поклонники Димкиного таланта начали разбредаться. «Разучился пузыри дуть», – слышался чей-то шёпот, и тут Димка неожиданно воскликнул:

– Хотите цирковой номер?

Многие остановились, ожидая от Пуговкина очередной фишки. Кто-то закричал: «Хотим! Хотим!»

– У кого есть конфетки, мелкое печенье или жвачки – бросайте в меня со своих мест. Только без фантиков и по очереди.

Первая же ловко пойманная Пуговкиным конфетка вызвала восторг. Потом он поймал печенье, потом ещё что-то и ещё, я даже разглядывать не успевал, что он хватается ртом. Димка всё летящее в него заглывал стремительно. Короче, ничего на пол не упало. Нет, серьёзно, у Димки ловить ртом - получалось здорово! Я даже хотел немного позавидовать, но тут же приказал себе: «Нельзя завидовать друзьям - это вредит дружбе».

Пока Димка давал представление, толпа гудела и, оказывается, давно прозвенел звонок. А мы и не слышали. Нас разогнала завуч.

На уроке Димке стало плохо. Он крепился изо всех сил, но я-то видел, что на нём лица нет, одни брови красные. Вот ведь, что за брови у Димки - и от боли они тоже краснели!

- Плохо? - сочувствующим шёпотом поинтересовался я. Пуговкин, состряпав кислую мину, кивнул в ответ.

- Больше в жизни без разбора ничего глотать не буду, - пообещал он.

- Конечно, - согласился я. - Зачем глотать? Лови и выплёвывай.

Димка скопился на меня блестящим глазом.

- Почему раньше не подсказал?

- Раньше ты готовился не умереть с голоду в космосе, - напомнил я ему.

- Ах, да!

Больше мы с Димкой не шептались, потому что нас учительница чуть с урока не выгнала.

- Мало того, что опоздали на урок, - сердито произнесла она. - Ещё шепчутся. К директору хотите?

Я и Димка дружно замотали головами. К директору нам не хотелось.

Новый талант Пуговкина затмил старый. Вы даже представить себе не можете, сколько народа ждало нас после уроков возле школы. Еле отбились.

Димку в школе стали называть «циркачом». А что, вполне возможно, что Пуговкин станет когда-нибудь настоящим циркачом. Он - такой! А я незаметно, по-хитрому, постараюсь сделать из него хорошиста. Не может же знаменитость быть троечником... Эх, жаль, тренировки по подготовке в астронавты закончились. Димка опять перестанет делать уроки, но я придумаю новую хитрость. Всё равно подтяну его в учёбе, только - тсс, чтобы он не услышал, а то разозлится до покраснения бровей.

Рисунок автора

НЕ ХОЧУ ПЯТЁРКУ...

Юрий Валенкин

Засушить жука, осу -
Школьное задание.
На плече сачок несу,
А в душе - страдание.
Я жука поймал рукой,
Посадил в коробку,
С горечью тащу домой,
Сердце ноет робко.

Жалко в этого жука
Мне воткнуть иголку,
Не поднимется рука -
Не хочу пятёрку...

Он в коробке шебуршал,
Заперт, словно в клетке.
Скрёбся лапками, стучал,
Жить хотел на ветке.

Я стоял в углу и мне,
Было скучно, плохо,
И жучок один во тьме -
Это так жестоко!!!

Я коробку приоткрыл
И беднягу отпустил:
Пусть живёт на воле.
(Обойдутся в школе)

* * * * *

*

ВОЙНА (фрагменты из повести)

Самуил Минькин

Увлёкшись игрой, мы и не заметили, как на улице изменилась обстановка, бежали взволнованные люди, по булыжной мостовой из города мчались телеги. Я подошел к калитке, мимо бежала женщина, я спросил: «что случилось?» - она крикнула: «ВОЙНА!» - и побежала дальше.

Я бросился домой, мама с папой были уже дома, они сидели за столом, перепуганные и взволнованные, разговаривали на идиш, обсуждали, что будет, когда отца заберут на войну, как мама одна останется с тремя маленькими детьми, и что нужно предпринять в первую очередь. Гитлера мама боялась, на нее здорово повлиял фильм «Профессор Мамлок». Она внимательно слушала рассказы евреев бежавших из Польши, занятой немцами. Однажды во время польской войны, когда

отец служил в Картуз-Березе, у нас остановились два молодых парня, ученики еврейской религиозной школы. Они бежали из Варшавы, занятой немцами. Парни на идиш рассказывали, как немцы заставляют евреев нашивать на одежду желтые звезды, что евреям все запрещено, что на улице страшно показываться, что выгоняют с работы и громят еврейские магазины. Что на улице могут ни за что ни про что избить и убить, что евреи боятся выходить из домов, и что, по-видимому, это - цветочки, а ягоды - впереди.

Мама знала про погромы на Украине, про Кишиневский погром и дело Бейлиса, которые происходили в царское время. И ещё до войны она говорила, что у немцев нельзя оставаться, надо уходить вглубь России. Теперь, после разговоров с польскими евреями, она все больше и больше убеждалась, что начнётся война, Гитлер придёт сюда, и что нужно всё бросать и убегать в глубинные районы.

Мимо нашего дома по мостовой потянулись военные: уставшие, запыленные, они останавливались попить воды, мама выходила с горлачом молока, поила солдат. Некоторые солдаты шепотом говорили, что Белоруссия продана, что города сдаются без боя, что у солдат - только по винтовке и пять патронов, что командиры разбежались, и что Минск уже заняли немцы.

В первые дни войны артель, где работал отец, получила военный заказ: шить обувь для фронта, и моего отца в армию не призвали.

Каждый день приходили все новые тревожные сведения, мама настаивала все бросить и идти на восток. Отец колебался. Он не хотел оставить новый дом, хозяйство, мать, бабушку Басю и родную сестру тетю Сорку с детьми Цилей и Изиком. Изику было пять лет, а Циля - на один год моложе меня. Муж тети Сорки погиб на финской войне, и она с маленькими детьми не могла ехать. Бабушка Бася тоже не могла бросить дочь, и бежать из города отказывалась.

Мама плакала, уговаривала и настаивала на уходе. По городу ползли тревожные слухи, много появилось ясновидящих, которые предсказывали страшные времена. Говорили, что в разных местах появлялась голая старуха, с распущенными волосами, которая предвещала массовые убийства, что люди, будут умирать, как мухи, от голода, холода и болезней. Ещё говорили, что видели глубокого старика, всего седого, с огромной белой бородой и в белом льняном одеянии - видение смерти. Эти слухи нас приводили в ужас.

По дороге всё ехали и шли беженцы из западных районов Белоруссии и из Минска. Изнемождённые, уставшие, они спешили, сами не зная, куда. Рассказывали о жутких бомбёжках, многие семьи растеряли друг друга, многие везли на тележках раненых после бомбёжки. Попив воды или молока, они спешили убежать подальше от войны.

Позавтракав, вышли на улицу. Появились солдаты, которые шли в сторону реки. Мама подошла к командиру, чтобы узнать, где немцы. Командир, который оказался сержантом, дал команду отдыхать. Солдаты сели на траву вдоль плетней и заборов. Деревенские бабы выносили им хлеб и молоко. Сержант рассказал, что, по его сведениям, немцы заняли Могилёв, что они в районе Темного Леса сбросили десант, который вчера занял город Мстиславль. Еще сержант сказал, что они сами не знают куда идти, потому что командиры сбежали, и что у них - винтовка и десять патронов, а у немцев - автоматы и пулеметы. Он взял винтовку, откинул затвор, где показался желтенький патрон. На поясе у него было четыре кожаных патронташа, все они - пустые, только в одном - обойма с патронами. Сержант предупредил, что немцы здесь могут появиться каждую минуту и посоветовал нам перейти на тот берег реки, где начиналась Смоленская область. По его словам немцев там должны задержать, он слышал, что движутся большие силы. Мы взяли вещи, распрощались с Николаем и его женой и вместе с солдатами спустились к реке.

На реке стоял паром, причаленный к берегу. Мы погрузились на него, солдаты потянули за трос, и мы поплыли. Когда поднялись на другой берег, один из солдат взял топор, спустился, и перерубил металлический трос. Мы стояли на берегу и смотрели, как по течению удаляется от нас паром. Вдруг послышался треск мотоциклов. Сержант крикнул: «Немцы!» и подал команду солдатам залечь в траву вдоль берега, а нам сказал, чтоб мы бежали к лесу, который виднелся за лугом, в километре от реки.

Мы бежали туда, что есть мочи, с вещами, а отец с Верочкой на плечах. Позади нас слышались, одиночные ружейные выстрелы и длинные пулеметные очереди. От бега у меня закололо в боку, но я, преодолевая острую боль, бежал. Только в лесу мы немного отдышались. Кругом царили тишина и спокойствие, и мы пошли дальше. Лесная дорога была изрыта глубокой колеёй от машин, в низких местах стояла вода. Идти было тяжело.

Очень хотелось пить, Вокруг было много черники, мы её собирали, но она жажду не утоляла. Подошли к небольшому мостику, внизу протекал ручей. Почувствовав наше присутствие, головастики стайками разбежались в разные стороны. Вода оказалась теплой и противной, но уж очень хотелось пить...

Через два дня мы подошли к Варшавке. По дороге сплошным потоком шли военные, и ехали огромные пушки, запряженные четырьмя лошадьми-тяжёловозами или тракторами. Маленькие пушки тащили газики, работавшие на дровах. Бесперывно шагали колонны солдат с винтовками за плечами. Мы простояли в лесу под деревьями почти весь день, не имея возможности перебраться через дорогу из-за

непрерывного движения войск. Говорили, что они направляются к Смоленску, где немцев остановят, и тогда война скоро кончится. Несколько раз раздавалась команда: «Воздух!». Солдаты бросались в лес, дорога мгновенно пустела. Низко пролетали немецкие самолёты, и откуда-то слышались взрывы. Только под вечер мы смогли перебраться через Варшавское шоссе. От нашего обоза осталось несколько телег. Вероятно, одни поехали другими дорогами, некоторые - вернулись. Под Рославлем, где мы попали под бомбежку, от нашего обоза осталось только две телеги. Лошадей с телегами загнали под высокие липы, около какого-то дома, а сами мы лежали на земле. Было очень страшно. Над нами кружили немецкие самолеты, где-то рвались бомбы. Мне казалось, что бомба упадет точно на нас. Я поймал себя на том, что беспрерывно повторяю: «Пусть бомба не попадёт в нас, и самолеты улетят, пусть...» И, действительно, внезапно самолеты улетели, стало тихо, светило солнце, на деревьях щебетали птички, и только вдали видно было, как поднимался черный дым. Мама сказала, что если нам суждено, то пусть бомба сразу же накроет всех нас.

ЗАЧЕМ НУЖНА ВОЙНА?

Светлана Музланова

«Зачем нужна война?» - спросила дочь у мамы,
 Когда в укрытие бежали от обстрела,
 Когда под шум молитву тихо пели,
 И с жадностью кусочки хлеба ели. -

Зачем же те, кто были нам друзьями,
 Врагами стали, позабыв о мире?»

«Не знаю, доченька, - сказала мать. - Не знаю.
 Наверно, люди эту дружбу не любили...»

Светился весь от ярких взрывов мирный город,

Вдали ребенок плакал, маму звал на помощь.
 Молились люди Богу, кто-то верил,
 Что все пройдет... Но наступила полночь.

И вновь - рассвет под звуки перестрелок
 И слезы, крики, голод, страх, надежда.
 И ноет сердце, словно в нем сидит осколок.
 Снаряда вражеского, брошенного кем-то.

«Зачем нужна война?» - спросила, плача, дочка,
 Склонившись к телу матери любимой.
 Ответа не было, лишь только ветер дунул
 И прошептал, что мамы больше нету...

Упав на землю, словно раненая птица,
 Рыдала девочка, забыв о перестрелке,
 Войну скорей прервать просила Бога
 Но детские мольбы он не услышал...

МАША

Из цикла «Дети - герои войны»

Сергей Сухонин

Более шестидесяти лет прошло, как Великая Отечественная Война окончилась. Сколько слез и горя она принесла! И в каждой семье - до сих пор своя рана незаживающая. Вот и у нас она отца, маму и бабушку Машу отняла. Да, бабушку, которая в одиннадцать лет погибла. Ведь, если бы живой осталась, то, может, были бы у неё дети, внуки, правнуки. У меня, брата ее младшего - четверо детей, девять внуков, и один правнук. А у неё - никого. И самой её давно нет.

До войны мы бедно жили, но весело. Думаете, если бедно, то веселиться нечего? Ошибаетесь. Родовались мы и голубому бездонному небу, и зелени деревьев, и речке за деревней - самой красивой в мире. А ещё в лес по грибы каждый день весёлой компанией ходили. Грибов тогда было - хоть косой коси. Их на зиму родители мешками сушили, потому что зимой - голодно.

А семьи до войны большие были. У некоторых по десять детей и больше. И потому с одежкой и обувью проблем хватало, особенно зимой. Телогрейки хорошие немногие имели. У большинства - пальтишки, шитые-перешитые из дедушкиных зипунов. А валенки - одни на двоих-троих. В них по очереди гуляли. И в школу по очереди ходили, в три смены. Ну а когда война началась, отец сразу на фронт ушел. И остались мы с

сестрой, и мамой его с победой дожидаться. Но дождались сначала похоронки, а потом - немцев.

Сначала они нас не обижали, но когда выяснили, что половина деревни - в Красной армии, лютовать стали. А неделю спустя согнали всех жителей в хлев да подожгли. Так всех и погубили - от мала до велика, в том числе и маму нашу.

Как я спасся? Просто с самого утра мы с сестрой в лес за ягодами ушли, хотя и запрещено это было. Но голод - не тётка, и мы рискнули.

А когда с полными лукошками вышли на опушку леса, увидели, что хлев уже догорал. Мы не поняли сначала, что случилось, и бросились было к дому, но сразу на раненого красноармейца наткнулись. Он нам и рассказал всё. Мы сидели рядом с ним и ревели. Долго ревели, навзрыд, но, в конце концов, перестали и рукавами слёзы вытерли. Война ведь...

Мы угостили красноармейца клюквой, а он дал Маше пистолет, показал, как им пользоваться, и велел в лес идти, партизан искать. Потом, подумав, отдал мне свои документы и наказал передать их командиру отряда, так как ему всё равно умирать, а свои должны знать, что он не пропал безвестно, а погиб в бою, ибо идти уже никуда не мог, а живым - фашистам не сдастся. У него были ноги перебиты. Он полз по лесу три дня, пытаясь к своим добраться. Случайно к нашей деревне выполз. И тут у него ноги совсем отнялись. Тогда Маша стала его убеждать, что она сильная - поможет, отнесет, но он лишь улыбался в ответ, а потом рассмеялся, как будто и не ранен был, и не под носом у немцев находился. Весело так, громко. Но вдруг замолчал, голову к земле опустил и заплакал. Я очень удивился - не думал, что красноармейцы плачут. А он повернулся к Маше, и сказал печально, что очень уж она на его дочку похожа. Я тогда тоже заплакал, но быстро прекратил, когда увидел, что от деревни в нашу сторону с десяток фрицев идут. Может, заметили нас, может, ветер к ним наш разговор донёс - не знаю. Но шли они осторожно, цепью, явно не за грибами.

Красноармеец опять велел нам уходить, и мы быстро ушли. Страшно ведь умирать в шесть лет. И сестре в одиннадцать - тоже страшно. Однако Маше вдруг стыдно стало, и она спряталась между тремя

вековыми елями, метров за тридцать от красноармейца и приготовила к бою пистолет. Решила ему помочь. А он передёрнул затвор винтовки и стал ждать немцев. Они пока его не видели, так как он лежал за бугорком среди травы. Красноармеец же прицелился и выстрелил три раза подряд. И трое немцев упали. Какой же он всё-таки молодец! Но те, кто остался в живых, залегли и начали палить из своих автоматов. И попали не только в красноармейца, но и в сестру, да так, что все платье ее сразу кровью пропиталось. Но она не закричала, только задрожала мелкой дрожью, и пистолет из рук не выпустила. А я дрожал от ужаса чуть позади нее, боясь: и бежать, и на месте остаться. Немцы ещё подождали немного, потом офицер их приподнял голову, сказал что-то по-своему, и двое солдат с опаской подошли к красноармейцу. Но, увидев, что он недвижим, успокоились и опустили автоматы.

Тут Маша и открыла огонь из пистолета. Уже умирая, она стреляла, почти не целясь, выстрел за выстрелом, пока обойма не кончилась. Она, кажется, попала в двоих, но только ранила. Однако немцы подумали, что это – засада и побежали со всех ног к деревне. А я так же быстро - в лес...

До сих пор не могу простить себе, что не подошел к Маше и не попытался ей помочь. И даже то, что мне в ту пору было всего шесть лет, не оправдывает меня в моих глазах. Она до сих пор мне снится, ничего не говорит, только смотрит с немим укором. А может, мне все это кажется, и она просто радуется, что жизнь моя сложилась?

Так, или иначе, завтра пойду в церковь, свечку поставлю за упокой души бабушки Маши. Бабушки, которая до сих пор чуть старше моего правнука...

Рисунок Сопрыкиной Лили, 12 лет «[Дети](#)»

ПОЛЗИ, МУРАВЕЙ

[Илана Арад](#)

Ползи, муравей,
Тебя нет смелей,
Ползи, муравей,
В свой дом без дверей.
Сестричка там ждёт.
Смотри же - вперёд,
Забыв лишний страх,
На всех парусах!..

Зевает пусть кот,
Начни свой поход
К цветам, за окно...

Ещё не темно...
 Вот - робкий ползок,
 От стенки шажок,
 Туда, где восток...
 Вздохнуть бы чуток!..

Под свет фонаря
 И сны до утра -
 Храпит у дверей
 Младой муравей.
 Недремлющий взгляд
 Заботой объят:
 Качает луна
 Постель у бревна.

КО ДНЮ ПОБЕДЫ! ЗА РОДИНУ, СО ВЗРОСЛЫМИ РЯДОМ!

Дмитрий Борисович Тихонов

Шло третье лето Великой Отечественной войны. Наши солдаты отбили немцев от Волги и наступали в Западном направлении, освобождая территорию страны от фашистских захватчиков, освобождали людей, которые временно оказались на оккупированной территории.

Ирина и Саня, брат с сестрой, сидели в погребе разрушенного дома, – последнего дома уже давно сожжённой за долгие дни войны деревни, и ждали, когда же закончится бой, который шёл над их головами уже вторые сутки. От взрывов вздрагивала земля. Запах гари проникал через воздуховод, ясно давая понять, что наверху – сплошные пожарища. Очень хотелось есть, но особенно хотелось пить.

Дети знали, что вечно бой продолжаться не может. Они залезли в погреб, чтобы отсидеться, ведь стены их разрушенного дома оказались прямо на переднем крае наступления наших войск. Ирина, которой было 12 лет, считала себя обязанной заботиться о младшем братике Сане, которому вот-вот должно было исполниться 10 лет.

Дети так привыкли к канонаде и к взрывам, что могли спокойно спать под такой шум. Им только было жалко их собаку Тузика, единственного друга, оставшегося рядом. Он пропал буквально перед самым началом боя, хотя с ним детям было всегда спокойнее. «Возможно, он уже погиб, попав под пулю или мину», – думали дети.

Отец их воевал с самого первого дня войны, а мать угнали немцы на работу в Германию. Поэтому дети очень рано стали совсем самостоятельными. Заботились о них партизаны, у которых они часто скрывались от немцев. Когда же линия фронта докатилась до родных мест, они решили вернуться к дому, пусть и разрушенному, чтобы там дожидаться родителей.

К утру взрывы смолкли, и стало тихо. «Бой окончился», - решили дети и вылезли из своего укрытия. Надо было дойти до ручья, попить да поискать пропавшего Тузика. Только после этого они собирались пойти в лес, чтобы пособирать там грибов, ягод и орехов и хоть немного подкрепиться. Было уже светло. Вокруг поднимался чёрный дым, расстилаясь через всё небо. То там, то тут лежали убитые военные, как наши, так и немцы. Никого живого вокруг видно не было. Было страшно и одиноко. Но дети понимали, что теперь им никто не может помочь. Они уже привыкли видеть смерть людей за всё время войны. А ведь им иногда хотелось ещё и поиграть, но они были совсем взрослыми.

- «Тузик, Тузик!» - хором кричали дети, надеясь в душе, что их пёс остался жив. Делать нечего, решили идти его искать. Вот перед ними показалось что-то огромное, чёрное и страшное. Подошли ближе. Увидели крест, зловеще зияющий перед ними прямо на броне.

- «Танк!» - почти одновременно вскрикнули дети, им сразу же захотелось убежать подальше и спрятаться. «А вдруг там спрятались фашисты?» - думали они. Но они очень беспокоились за пропавшую собаку и продолжили её искать.

Неожиданно от большого куста орешника, до которого, осторожно ступая и оглядываясь, дошли дети, выбежал их дружок Тузик. Он радостно и звонко лаял, вилял хвостом, крутился под ногами ребят и подпрыгивал, пытаясь ухватить своих друзей за пояса, которыми они подпоясались, чтобы ветер не продувал их хлипенькую одежду. Стало так весело, что дети начали кричать, смеяться и плакать одновременно.

Но Тузик упорно пытался им что-то показать. Дети побежали за ним. Спустившись в овраг, они увидели на его дне лежащего человека. Одежда на нём была грязной и разодранной, нога перебинтована, а голова - в крови. Человек был без сознания. Вот куда так упорно тащил их Тузик.

Дети поняли, что перед ними - свой, советский солдат. Они научились различать их по форме. Поэтому смело подбежали ближе и присели на корточки прямо перед лежащим человеком. Это был командир. Вот только что с ним произошло? Жив ли он? Веки офицера задрожали и приоткрылись
немного.

- «Пить! Пить!» - горячо зашептали засохшие до корок губы. На поясе у офицера была фляга. Но - пустая.

- «Здесь, совсем рядом, есть родник!» - вскричали дети одновременно. Они там всегда набирали ключевой воды. Офицер был так слаб, что не смог ответить, или что-то сказать. Тогда Ира и Саня отстегнули флягу от его пояса и бегом бросились к роднику. Добежав до журчащей, холодной воды, они напились сами, и наполнив флягу, отправились обратно.

Дойдя до лежащего офицера, они, первым делом, дали ему попить из фляги. Потом Ира достала тряпочку, служившую ей платочком и которую она всегда тщательно стирала, как её учила когда-то мама, и

очень бережно протёрла лицо незнакомцу, чтобы вычистить от гари и копоти.

- «Спасибо вам, дети!» - Ирина и Саня увидели улыбку на лице военного. Они разговорились и тут же познакомились. Оказалось, что его звали Николаем Александровичем. Он был командиром роты, которая здесь наступала. Именно его бойцы подбили несколько танков во время боя. Самого командира ранило в ногу и контузило взрывом снаряда, который упал совсем рядом. Николай Александрович потерял сознание и пролежал тут до тех пор, пока его не нашли дети.

- «Ребята, помогайте!» - сказал офицер. Оказалось, что Николай Александрович должен был отправить донесение в штаб, но не успел.

Доставить письмо могли только ребята, так как самостоятельно двигаться он не мог. Они помогли офицеру удобнее лечь, собрав ему под голову сухих веток. Дети всё поняли, взяли донесение, оставили Тузика с офицером, получили от своего нового знакомого по галете и конфете, которые случайно оказались у того в вещмешке.

Направление ребята выбрали совершенно правильно, сумели хорошо сориентироваться на местности, поэтому быстро добрались до части. Там их радостно встретили, дали тёплую одежду, накормили. Они передали донесение и стали просить срочно послать помощь новому знакомому - командиру роты, освобождавшей их родную деревню. Они уже мечтали о том времени, когда отец вместе с Армией прогонит проклятых фашистов с родной земли, заберёт маму, вернётся, и они построят себе новый красивый дом, в котором будут после войны жить, учиться и работать все вместе.

Помощь Николаю Александровичу пришла вовремя. Его быстро отправили в госпиталь, сделали сложную операцию, спасли жизнь. Через несколько месяцев он вернулся в строй, и стал гнать фашистов дальше с родной земли.

Дети совершили настоящий подвиг, выполнив приказ по доставке донесения в штаб. При этом они спасли жизнь замечательному человеку, которого дома, вероятно ждали жена и такие же, как они сами, дети, беззаветно любящие свою Родину! Ребята победили не только ненавистного врага. Они преодолели себя, свой страх!

Через два года закончилась война. Люди вернулись в родные места. Отстроили дома, и те стали ещё лучше и больше, чем были до войны. Построили и школу. Наступило 1 сентября послевоенной поры. Ира и Саня торжественно, с огромной радостью, снова пошли в школу. В руках у них были полевые цветы. Всю дорогу рядом с ними бежал и резвился их верный боевой товарищ - Тузик. Они очень соскучились по учёбе и не могли дождаться, когда же прозвенит колокольчик, чтобы позвать их в класс, на первый урок уже в новой, мирной жизни.

Началась торжественная линейка. На неё пришёл военный! Это был он, Николай Александрович! Ира с Саней подбежали к нему, он присел, обнял их, расцеловал. Не мог удержать мужественный человек и слёз, вспоминая об их встрече и своём спасении. На нём был новый красивый

мундир, а грудь украшали многочисленные ордена и медали. Какой же тёплой оказалась их встреча!

Торжественно, перед всей школьной линейкой, из рук Советского офицера, которого они и спасли когда-то, ребята получили медали «За Отвагу». Раздались аплодисменты, восхищённые голоса и крики. Всем хотелось потрогать героев, которые были совсем рядом, поговорить с ними! А впереди было ещё много трудных, но таких замечательных лет учёбы, работы! И как было здорово знать, что они живут и радуются вместе со всеми на мирной земле, под мирным небом!

(Создано при участии дочери Анастасии!)

апрель 2008

МАЛЕНЬКОЕ СОЛНЫШКО

Фарида Ибрагимова

Какое счастье, что наступает весна! На лужайке, сверкающей от зеленой блестящей травки, проклюнулся росток. Откуда он здесь появился, что его сюда принесло? Росток упорно тянулся вверх из листовой розеточки к небу, на простор и свет. Росточек был ровненький и тоненький, с маленькой макушечкой в виде усеченного свернутого зонтика.

Ему все было интересно – лужайка, такая яркая и красивая; воздух, такой свежий и прозрачный; ветерок, такой стремительный и независимый. Он все время крутил своей макушкой по всем сторонам. А еще ему было интересно смотреть на тех, кто ползал, летал, порхал вокруг него. Он был скромным и не решался начать знакомство первым. Как-то по его стволу пополз муравей, это было так щекотно, что росток громко расхохотался. От смеха он начал раскачиваться, и муравей рассердился.

- Прекрати, я могу сорваться!

- Извините, но вы меня щекочете, и я не могу удержаться от смеха...

- Ишь, какой нежный, - разворчался муравей. - Так я не смогу подняться на макушку.

- Но почему вы собираетесь взобраться на мою макушку? - поинтересовался росток.

- Мне нужно увидеть положение солнца. Я, кажется, заблудился!

- Я постараюсь не смеяться, - пообещал росток. - Заблудиться - плохо, наверное. Интересно, а что это такое - положение солнца? - вежливо поинтересовался он у муравья.

- Ну как же, есть стороны света! Мой муравейник расположен на западе, и мне необходимо определить нужное направление, а из-под травы это сложно сделать - не видно солнца!

- А что, солнце покажет, где находится запад? - росток очень удивился. По утрам он просыпался от солнца; по вечерам - когда оно куда-то уходило, он засыпал. Но росток не понимал, как это у солнца можно о чем-нибудь спросить, ведь оно - высоко-высоко и ничего не услышит. И потом, как солнце может показать, где находится запад?!

- Простите, а как солнце может показать вам, где запад? У него ведь нет листочков, нет лапок, нет шеи, чтобы оно могло повернуть голову и показать направление. Как вы можете у него об этом узнать?

- Ты еще очень молод. Твоя макушка пока даже не раскрылась, и ты, наверное, не знаешь, кто ты, как тебя зовут и как ты здесь оказался, - предположил муравей.

- Даааа, - горестно покачал макушкой росток, и муравей опять чуть не соскользнул с него. - Ой, простите! - росток был очень вежливым. - Расскажите, пожалуйста, мне об этом, я здесь совсем один.

- Ты - одуванчик, тебя сюда принес ветер и ещё тебя иногда зовут «маленькое солнышко»... - но муравей не успел договорить, так как росточек обрадовано закричал: «Ура!!», и муравей слетел вниз.

- Извините, я так обрадовался, что похож на солнышко, я ведь не вижу себя со стороны, - росток наклонился и подставил муравью свою макушку.

Дождавшись, когда муравей залез, он медленно распрямился, очень гордясь тем, что знает, кто он и что помогает муравью с положением солнца!

- Ну что, вы спросите у солнца, где ваш запад? - спросил он у муравья, глядя изо всех сил на солнце, - как это оно ответит тому?

- Да, ты молод и неразумен, - ответил муравей, - я не буду спрашивать у него ничего, солнце само показывает, где запад, потому что встает на востоке, а заходит на западе. Спасибо тебе, я теперь знаю, где мой муравейник, и ты, «маленькое солнышко», помог мне в этом.

Муравей быстренько сполз с росточка и побежал на запад. А росток смотрел ему вслед и думал о том, как много он сегодня узнал, и сколько всего узнает еще в этой замечательной жизни!

Каждое утро всё-всё просыпалось, потому что вставало солнце. Росток теперь знал, что солнышко встает на востоке и заходит на западе, и все время ждал чего-нибудь нового и интересного. Увидев муравья, быстро бегущего мимо него с каким-нибудь грузом, росток весело кричал ему: «Здравствуйте, муравей!»

А муравей деловито кивал ему и продолжал свой путь - он был трудягой и все время занят работой.

Росток поворачивал макушку вслед ему, махал листьями-руками и думал: «Вот бы и мне побежать вслед за муравьем... Но ведь у него столько ножек, а у меня - ни одной. Не догнать мне его»

Как-то утром росток вдруг почувствовал, что у него, как будто, разваливается макушка, и во все стороны разбрызгиваются мягкие и яркие лепестки.

- Ух, ты! - раздался голос. - Солнышко на небе, и солнышко тут!

Росток обернулся в недоумении: кто это там и с кем разговаривает? На зеленой травинке сидел зеленый кузнечик.

- А где еще солнышко? - спросил росток. Он помнил, что муравей его так назвал и хотел узнать, про него ли это кузнечик говорит.

- Так ты и есть маленькое солнышко - вон, какой круглый, желтый и с лучиками!

- Но я стою на одном месте, не поднимаюсь на востоке и не захожу на западе.

- Ну и что! Я вот кузнечик и не расту на грядке, а про меня говорят: «Совсем как огуречик».

Росточек рассмеялся. Кузнечик-огуречик... и он так будет его называть.

Теперь у него было два друга: муравей и кузнечик-огуречик. Жизнь становилась еще интереснее.

Вечером он услышал чудные звуки.

- Ой, что это, кто это??? Отзовись! - позвал росток. Он вглядывался и поворачивался во все стороны, но никого не увидел. Звуки затихли, и росточек загрустил, его головка стала сворачиваться зонтиком - значит, пора было заснуть. Сквозь сон он опять услышал музыку и подумал, что завтра обязательно познакомится с музыкантом, и будет слушать его музыку.

На следующий день росток увидел муравья и спросил его:

- Вы не знаете, откуда звучала вечером чудесная музыка?

- Кузнечик, видимо, трещал, - сказал муравей. - Он всегда издает какие-нибудь звуки: то скачет, то звенит трещётками.

- Вот каким у меня друг оказался музыкальным, - обрадовался росток. - Обязательно попрошу его сыграть для меня.

Он стал ждать друга, но тот носился где-то далеко и так и не появился. Вечером музыка зазвучала опять. Росток стал всматриваться туда, откуда слышались звуки. И вдруг увидел, как в траве, под упавшим листком, сидит маленький жучок в блестящем, темном панцире. Когда звуки стихли, росток захлопал в «ладошки» и закричал «браво!». Жучок выглянул из-под листика и поклонился, в лапках у него была маленькая свирелька.

- Как замечательно ты играешь, спасибо за доставленную радость! - воскликнул росток. - А ты кто?

- Я - цикада - ответил жучок. - И рада, что тебе понравилась моя музыка.

- А можно мне попробовать тоже?

- Попробуй, почему нет? - и цикада протянула ему свирельку.

Ростку не удалось произвести ни одного звука. Грустный, он вернул жучку инструмент и сказал.

- Ничего я не умею.

Цикада успокоила росток и сказала: «Чтобы что-то делать хорошо, нужно долго учиться и очень стараться. Главное - захотеть это по-настоящему»

Росток радовался жизни, потому что у него появились друзья и музыка. Мир был велик и прекрасен во всех своих проявлениях: яркое и ласковое солнышко, неожиданный и шаловливый ветерок, мягкий и прохладный дождик. Как здорово жить, и как замечательно устроен мир!

Росток подрос, его головка уже высилась над травой, и ему видно было намного дальше, чем раньше. Он видел лужок, расположенный на опушке леса, где рос он сам, видел невдалеке реку. За рекой была деревня, и детишки часто бегали к берегу реки «пробовать» воду на ощупь: не холодная ли для купания.

Росток уже знал, что он - одуванчик. Трудолюбивый муравей порой присаживался в тени его листьев, чтобы перевести дух и многое ему рассказывал. Про деревню и ребятшек тоже рассказывал. Сказал, что скоро начнут они купаться и бегать в лес по ягоды и цветы.

- Вот гляди, тебя тоже в букет прихватят!

Одуванчик не знал, как это его прихватят в букет? Было немного боязно, но все же, интересно.

Он говорил муравью:

- Вот ты все трудишься, трудишься... Тебе нравится то, что ты делаешь?

- Мне нужно, - отвечал муравей. - У нас почти все трудятся, у каждого - своя задача. Если я не выполню свое задание, придется его делать

другому муравью. Нельзя не делать, нельзя бездельничать, многие наши погибают, тогда труднее приходится.

- Что такое погибнуть? – заинтересовался одуванчик.

- Ничего хорошего: вот ты только что был, и вдруг тебя нет!

Но цветок не мог себе представить, как это нет, если ты есть.

Прибегал поболтать и кузнечик.

Одуванчик удивлялся тому, какие разные у него друзья: муравей – серьезный, вдумчивый, знает все про все на свете; кузнечик – такой смешливый: все время скачет и смеется, а еще умеет трещать своими ножками: останавливается, замирает на некоторое время, и вдруг ножки приходят в движение, и раздаются какие-то шуршальные звуки. Их нельзя сравнивать с теми, которые рождаются по вечерам, когда цикада берет свирельку.

Как любил одуванчик слушать игру цикады! Он изо всех сил боролся со сном, но незаметно засыпал и, проснувшись поутру, жалел, что опять накануне уснул.

Они редко разговаривали с цикадой. Она была ночным жителем, днем – спала, спрятавшись под листвою, а вечером заводила музыку. Что делала цикада потом, одуванчик не знал, потому что сам уже спал.

Однажды он спросил у муравья:

- Вот скажи мне, ты трудишься и приносишь пользу, кузнечик ест всяких вредных насекомых (ему про это сам кузнечик рассказывал и гордился, что приносит пользу многим!), цикада играет музыку, а я? Какую пользу я приношу? Я не могу трудиться, потому что стою на одном месте, не могу отлавливать вредных насекомых, не играю чудную музыку.

- Ну что ты! Не надо так огорчаться! – сказал муравей. – Ты – очень-очень полезен! Вот я с удовольствием отдыхаю в тени твоих листьев, пчелки и бабочки питаются твоим нектаром.

- Да, это так необычно! Когда они лапками топчутся по моей голове, я с трудом удерживаюсь от смеха, иначе они бы слетели. Помнишь, как с тобой было?

- Помню, – засмеялся муравей. – А как тебя ценят люди! Ты помогаешь им избавляться от болезней, твои цветы и корни целебны. А как ты радуешь всех, когда на небе тучки закрывают солнце? Его не видно, а маленькое солнышко – вот оно, ярко-желтое и доброе, совсем рядом!

Одуванчик был просто счастлив оттого, что мог приносить пользу.

Обязательно, изо всех сил, он будет помогать всем и всегда: будет кормить пчелок и бабочек нектаром, служить тенью и набирать полезные вещества в корнях и цветах!

В воздухе потянуло чем-то тревожным и беспокойным. Послышался какой-то треск, запахло гарью, и небо заволочло туманом. Пробежал мимо муравей не останавливаясь, проскакал стремглав кузнечик, пролетели птицы, пронеслись зверушки. Одуванчик пытался узнать, что происходит, но никто не останавливался. Потом сделалось очень-очень жарко, и куда-то стал пропадать воздух.

Одуванчик понимал, что происходит какая-то беда, но что он мог сделать? Бежать куда-то или лететь он не мог – у него не было ножек или крыльев. Он прикрыл бы друзей своими листьями, но не знал, поможет ли это.

Очень хотелось одуванчику что-нибудь сделать, но что и как?

Пожар бушевал долго, много леса сгорело, много погибло животных. Маленькое солнышко так и не узнало, как у него появляются семена, которые от дуновения ветра срываются и летят по воздуху, как бабочки, чтобы потом прорасти в других местах, радовать кого-то и приносить пользу снова и снова.

И как только возникают пожары?

ОРДЕН

Елена Рожкова-Астахова

Медленно вечер на землю сошел.
 Месяц на небе подружек нашел.
 Я почитал и отправился спать.
 Но за стеною слышался плач.
 Тихо вошёл по паласу, тайком
 В мамину комнату я босиком.
 Там одиноко, укрывшись платком,
 Плакала мама за круглым столом.
 А на столе я увидел: лежат
 Старые фото, разложены в ряд.
 Вот подошел к ней, за плечи обнял.
 И головою к щеке я припал.
 - Мама, кто с фото, скажи-ка, глядит?
 Что за коробочка рядом стоит?
 Мама вздохнула и стерла слезу.
 - Орден войны здесь от всех берегу.
 С карточек смотрят отец мой и мать.
 (В армию оба ушли воевать)
 Папа - в танкисты, а мама - связной.
 Но не вернулись с победой домой.
 Столько пройдя на дорогах войны,
 Верность, любовь до конца пронесли.
 Папа в боях под Берлином погиб.
 Маму сожгли, и не видно могил.
 В этой коробке их орден лежит.
 Славы обоим – лучами горит...

И я подрастаю с одной лишь с мечтой:
 Достойным быть ордена с Красной звездой!

(Корректурa редакции)

Рисунок Станислава Филимонова, 13 лет «Орден Победы»

КУКЛА

Нина Петлярская

Как-то мои дочь и восьмилетняя внучка принесли необычный подарок к моему Дню рождения. Это была огромная кукла, похожая на длинноногую, трёхлетнюю девочку - белокурую, с большими голубыми глазами, обрамлёнными длинными ресницами. Поблагодарив своих девочек, я сказала:

- Кажется, мне уже поздновато играть в куклы.
- Бабушка, ты рассказывала, что у тебя в детстве не было куклы, вот мы с мамой решили подарить тебе эту. Правда, красивая? - спросила внучка.
- Прекрасная! - ответила я, восхищённо глядя на куклу. Девочки, я хочу вам рассказать о другой кукле. Послушаете?
- Расскажи, бабушка, - попросила маленькая Танечка и удобно устроилась на диване.

Это было давно. Мне было тогда 5 лет. Мы жили в маленьком городке на Дальнем Востоке. Его и городом с трудом можно было назвать: дома все деревянные - маленькие частные домики, одноэтажные бараки и одноподъездные двухэтажные дома. Мы жили на самой окраине, в рабочем посёлке, в небольшой коммунальной квартире на три семьи одного из двухэтажных домов. В одной из комнат жил мужчина одних лет с моими родителями. А с ним жила его старенькая тётя. Мужчину звали Аркадием. Он был очень весёлый и всегда шутил. Мы, дети, любили его.

Однажды, вернувшись из детского сада, я увидела, что дверь его комнаты открыта и заглянула туда. В комнате на кровати сидела девочка. На голове у неё был платочек. Я вошла в комнату, подошла к кровати, чтобы познакомиться с девочкой и спросить, почему она

никогда не выходит гулять. Но это оказалась очень маленькая старушка. Она прижимала к груди свёрток, похожий на завернутого в одеяло ребёнка и напевала на идиш какую-то песенку.

- Кто это? - спросила я у старушки.

- Т-с-с-с, - прошептала бабушка. - Моя Розочка спит. Я пошла на кухню. Там Аркадий готовил ужин.

- Аркаша, я хочу посмотреть на Розочку, а бабуля не даёт, - пожаловалась я.

- Это не Розочка. Это кукла.

- Кукла? - удивилась я. - А где же Розочка?

- Роза, дочь бабули, погибла вместе со своими детьми во время эвакуации. Их поезд обстреляли немецкие самолёты. Эстер (так звали старушку) чудом осталась в живых. Тяжело раненную, её смогли спасти, но с тех пор она ничего не помнит.

У нас кухня была общей, и там по вечерам часто собирались жильцы. Они говорили о недавно прошедшей войне, о том, что каждому пришлось пережить, и я, прислушиваясь к их разговору, немало знала о том, что происходило в стране в то давнее время, когда меня ещё не было.

- Когда я вернулся с фронта, - продолжал рассказ Аркадий, - то нашёл свою тётю. Она всё время спрашивала: «Где моя Розочка?». Эстер помнила дочь только новорождённой. Она совсем забыла, что Роза была уже взрослой. О внуках бабуля тоже не помнит. Я дал ей эту куклу.

- Аркаша, покажи мне куклу, - попросила я.

- Не сегодня. В следующий раз. А сейчас иди домой. Бабуля ляжет спать.

Я стала приходить к бабуле каждый вечер в надежде, что она обратит на меня внимание и, может быть, покажет мне «Розочку» или даст её поддержать. Но старушка, при виде меня, сильно прижимая к себе куклу, отворачивалась и шептала: «Уходи. Розочка спит». А мне так хотелось посмотреть на куклу, а ещё больше поиграть с ней. У меня совсем не было игрушек, а уж о кукле - и говорить нечего. Правда, в детском саду были игрушки, но немного и всем не хватало. Я даже однажды решила обмануть бдительность старушки. Взяла со стола приготовленную для неё тарелку с манной кашей, поднесла к кровати и сказала: «Бабуля, давай покормим Розочку». Но услышала в ответ: «Уходи. Розочка спит».

- Аркаша, - обратилась я однажды к племяннику Эстер. - Почему бабуля всё время сидит на кровати и не ходит гулять?

- Она очень старая и больная. Бабуля не может уже ходить. А я так надеялась, что когда бабуля пойдёт гулять, я на время завладею куклой.

Однажды вечером я, как обычно, пришла к соседям. Эстер лежала в постели, а кукла - рядом с ней.

- Аркаша, почему бабуля лежит? - спросила я.

- Ей стало хуже, – ответил Аркадий.
Я протянула руки к кукле, но бабуля как-то встрепенулась и жалобно посмотрела на меня. На её глазах появились слёзы. Я быстро убрала руки.
- Иди домой, Кнопочка (так называл меня сосед). Завтра придёшь. С этого дня бабуля уже не вставала. Она всё время лежала или спала, и «Розочка» была рядом с ней. Но однажды, когда, вернувшись из детского сада, я пришла к бабуле, её на кровати не оказалось, там одиноко лежала только кукла.
- Где бабуля? – спросила я у Аркадия.
- Умерла. Я стояла и смотрела на пустую кровать и не верила, что бабуля никогда больше не вернётся. Смысл этого страшного слова «умерла» я уже хорошо понимала. Молча, я взяла куклу и вопросительно посмотрела на Аркадия. Он утвердительно кивнул головой. Я взяла куклу и пошла домой. Дома, положив её на большой сундук, который служил мне постелью, я стала её разворачивать: одеяло, платок, какая-то тряпка, ещё и ещё... наконец, последняя - и всё. Там больше ничего не было. Слёзы брызнули у меня из глаз.
- Обманул, - прошептала я и горько заплакала.

МАЛЕНЬКИЙ АВТОМОБИЛЬЧИК

Часть 5 ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА ДОРОГА *Van*

иллюстрация Веры Шаховой

Раннее утро. В ясном безоблачном небе проснувшееся солнышко потягивалось своими лучиками. Просыпались цветы в клумбах, раскрывая яркие бутоны навстречу заре. Весело щебетали птицы: «Утро наступило! Вставайте!» Бездомные собаки и кошки бегали в поисках

пищи, с голодной тоской поглядывая на пролетающих высоко в небе птиц.

В уютной комнатке, в кроватке лежал маленький мальчик. И, хотя глаза у были закрыты, он не спал, а нежился в постельке, вспоминая свой сон. А снилось ему что-то необычное. Как будто он ехал на маленьком автомобильчике, и рядом с ним - маленькая девочка на маленьком жеребенке. Ехали они по мягкой шелковистой траве вокруг снежной крепости, в которой играли много мальчиков и девочек. Маленькая девочка что-то весело говорила, но маленький мальчик не слышал ни одного слова и только улыбался в ответ. Вдруг он увидел свою бабушку. Она стояла с полным подносом ароматных пирожков. Маленький мальчик сразу выскочил из автомобильчика и подбежал к бабушке. За ним появились и побежали другие дети. А маленький автомобильчик радостно загудел.

Маленький мальчик во сне ел вкусные бабушкины пирожки, а маленький автомобильчик все гудел и гудел.

- И что он разгуделся! - недовольно подумал маленький мальчик, отрывая голову от подушки.

- Эй! Ты там проснулся? - услышал он вдруг.

Маленький мальчик вскочил с кровати и подбежал к окошку. На улице гудел маленький автомобильчик. А рядом с ним стояла маленькая девочка. Она улыбалась маленькому мальчику и радостно махала рукой.

Через несколько минут дети уже ехали в маленьком автомобильчике.

- А куда мы поедем? - спросила маленькая девочка.

- Не знаю... - ответил маленький мальчик. - Давай просто покатаемся!

- Давай! - согласилась маленькая девочка.

Со времени знакомства их прошло не так много времени. Это произошло у снежной крепости, помнишь? Но и маленькому мальчику, и маленькой девочке казалось, что они знакомы давным-давно.

Маленький автомобильчик сначала был недоволен, что маленькая девочка стала гулять вместе с ними, но после того, как та помыла его с мылом и даже зашила кое-где порвавшиеся сиденья, он перестал сердиться. И даже иногда разрешал ей посидеть за рулем.

Но маленькая девочка была очень любопытной. И сразу же спросила:

- Автомобильчик, а зачем тебе так много огоньков? И спереди, и сзади, и они постоянно мигают. А?

- Это не огоньки. Это - световая сигнализация. И они мне нужны, чтобы я мог:

во-первых, освещать себе путь;

во-вторых, предупреждать других участников движения о предполагаемых маневрах;

в-третьих, в темное время суток обозначать себя на дороге.

- А что значит «маневр»? - спросил маленький мальчик.

- А что значит «обозначать»? - спросила маленькая девочка.

- А вы это не знаете? - удивился маленький автомобильчик.

- Нет! – хором ответили маленький мальчик и маленькая девочка.
 - И мы не знаем! – закричали откуда-то появившиеся дети. – Расскажи!
 - Ну, так слушайте, – начал маленький автомобильчик. – Когда темно, машину плохо видно, даже если она окрашена в красный, синий, зеленый или другие цвета. А так, как машины едут быстро, то есть опасность, что они столкнутся.
 - У нас перед домом недавно столкнулись две машины, – сказал кто-то из детей. – Так было страшно!
 - Так вот, – продолжал маленький автомобильчик. – Для того чтобы машины видели друг друга в темноте, они зажигают специальные огни, которые называются габаритными огнями. Видите? – и маленький автомобильчик зажег свои габаритные огни. – Они находятся и спереди, и сзади, и также расположены по краям справа и слева. Это показывает ширину машины или иначе – габарит. Поэтому они и называются габаритными. Когда зажигаются габаритные огни, это и называется «обозначить себя на дороге». Понятно?
 - Понятно! – хором ответили дети.
 - А маневр? – напомнил маленький мальчик.
 - Маневр – это изменение в движении автомобиля, то есть смещение вправо или влево по ширине дороги, обгон, поворот, разворот, а также торможение и остановка.
 - Это значит, что когда ты остановился, ты сделал маневр? – спросила маленькая девочка.
 - Да, только не сделал, а совершил, – ответил маленький автомобильчик.
 - А, чтобы о том, что я собираюсь сделать маневр, знали другие машины и пешеходы, я даю световые сигналы, – продолжал он.
 - А какие? – спросил кто-то из ребят.
 - При повороте направо или налево я зажигаю огни, находящиеся соответственно справа или слева, как спереди, так и сзади. Они горят не постоянно, а попеременно гаснут и зажигаются.
 - Подмигивают! – засмеялись дети.
 - А если они все замигают?
 - Это значит, что машина неисправна, и ехать дальше не может.
 - Сломалась! – крикнула самая маленькая девочка.
 - А если я включу тормоз, то сзади зажигаются вот эти огни. Видите?
 - А эти, прозрачные зачем? – показал один мальчик на светлые плафоны.
 - Они зажигаются, когда я еду назад. Вот так, – и маленький автомобильчик отъехал назад.
 - Не надо ни тормозить, ни назад ехать! – воскликнул маленький мальчик. – Поехали лучше кататься!
- Все сразу залезли в маленький автомобильчик, и он медленно поехал вперед.
- Он ехал мимо высоких домов, мимо низких заборов, мимо фонтана,

пересекал площади, проезжал через арки. А дети восторженно смотрели по сторонам, время от времени вскрикивая.

Вдруг кто-то запел:

- Мы едем-едем-едем...

И все подхватили:

- В далекие края...

Так они и ехали: медленно по краю дороги. Полный кузов гомонящих детей. Этаким детский сад на колесах. Милиционеры, увидев маленький автомобильчик, поднимали свой бело-черный жезл, но потом, приглядевшись, только с улыбкой отдавали честь.

- А вон - еще огни! - закричал один мальчик, показывая на светофор.

- Сигнальные!

- Нет! Габаритные! - и все засмеялись.

- А я знаю! - крикнула одна девочка. - Это светофор. Я даже стихи про него знаю.

И девочка звонко прочитала:

- Красный свет - дороги нет!

Если жёлтый - стой и жди,

А зеленый - так иди!

- Верно, - одобрил автомобильчик. - Светофоры устанавливаются на пешеходных переходах и перекрестках, они регулируют движение.

Обычно ставят несколько светофоров. Одни светофоры регулируют движение в одном направлении, а другие - в другом. Все светофоры на перекрестке взаимосвязаны. Когда на одном загорается красный, то на другом загорается зеленый.

- А желтый?

- Желтый свет обычно загорается одновременно на всех светофорах.

- А почему на этом светофоре желтый свет загорается после зеленого?

- спросил один внимательный мальчик.

- Это сделано специально, чтобы машины, увидев желтый свет, знали, что сейчас загорится красный, и вовремя успели затормозить.

- А если светофор сломается?

- Если светофор неисправен, то обычно вызывают регулировщика.

- А он что, фонарики держит?

- Красный, желтый и зеленый?!

- И вертится с ними во все стороны!

- Нет, - сказал маленький автомобильчик. - Он специальной полосатой палочкой, которая называется жезл, показывает, куда надо ехать.

- А вон регулировщик! - закричал один из мальчиков, показывая рукой. Все посмотрели и действительно увидели регулировщика, который ловко махал жезлом, и машины и пешеходы послушно стояли или двигались.

- Я, когда вырасту, обязательно стану регулировщиком! - сказал мальчик.

- Да уж, ты нарегулируешь! - засмеялся его сосед.

- Нет, я правильно буду регулировать! Вот только бы знать, как нужно правильно...

- Автомобильчик, расскажи ему, пожалуйста, - попросила маленькая девочка.

- На перекрестке, где стоит регулировщик, - начал маленький автомобильчик. - Можно проезжать или проходить, если он стоит к вам лицом или боком. Если он стоит к вам спиной, двигаться нельзя. Если регулировщик стоит к вам лицом, то можно двигаться только, когда он вытянул навстречу вам руку. В этом случае можно только поворачивать. Причем, если вытянута правая рука, можно поворачивать направо, если левая - налево.

Если регулировщик поднял одну руку вверх, это значит "Внимание!". Если вы уже въехали или вошли на перекресток, то нужно закончить движение, если же не вошли - нужно остановиться.

- А если он поднимет вверх обе руки? - спросил кто-то.

- Тогда этого регулировщика нужно убрать с перекрестка, потому что такого сигнала нет.

Они поехали дальше. Теперь уже дети смотрели по сторонам совсем по-другому и то и дело кричали:

- Стой! Красный!

- Регулировщик руку вверх поднял!

- А мы сейчас повернем!

- А мы останавливаемся!

Вдруг впереди они увидели много машин и людей. Там произошла авария - одна машина врезалась в другую.

Дети притихли и настороженно смотрели, как милиционеры что-то измеряли линейкой и о чем-то говорили.

- А почему это случилось? - тихо спросила маленькая девочка.

- Не выдержал дистанцию, - так же тихо ответил маленький автомобильчик.

- Дис... чего? - спросил маленький мальчик.

- Расстояние между двигающимися в одном направлении машинами называется дистанцией. Она должна обеспечивать возможность быстрого торможения в случае необходимости, - сказал маленький автомобильчик и медленно поехал дальше.

- А разве машина не сразу останавливается?

- Нет. Время от возникновения необходимости остановиться до полной остановки называется временем торможения. Оно состоит из времени реагирования (это время от возникновения необходимости остановиться до того момента, когда нога начинает нажимать на тормоз и зависит от внимательности и скорости реакции водителя) и из времени срабатывания тормозов. Последнее зависит от технических особенностей и технического состояния автомобиля, а также от состояния дороги.

- А, понятно! Пока водитель увидит...

- Пока сообразит...

- Да пока вспомнит, что делать нужно...
- Но как нажмет на тормоз, так сразу и остановится!
- Нет, не сразу, - возразил маленький автомобильчик. - С момента срабатывания тормозов машина некоторое время еще движется по инерции. Это движение называется тормозной путь.
- И долго двигается?
- Зависит от скорости движения и от состояния дороги. Скажем, на скользкой дороге тормозной путь - больше.
- А я понял! - крикнул маленький мальчик. - Дистанция должна быть такой, чтобы успеть затормозить!
- Можно и так сказать, - согласился маленький автомобильчик.
- А вон зебра! А вон зебра! - закричала девочка. - Я знаю! По ней пешеходы через дорогу ходят! Правильно?
- Правильно, - сказал маленький автомобильчик. - Это называется пешеходный переход, или зебра. И переходить дорогу нужно только по пешеходным переходам. Там - безопасно. А если переходить в другом месте, то можно попасть под машину. А еще лучше - пользоваться подземными переходами.
- А если нет перехода?
- Если перехода нет, то дорогу нужно переходить очень осторожно. Нужно сначала посмотреть налево и убедиться, что машин нет, дойти до середины, посмотреть направо, убедиться, что машин нет и закончить переход. В любом случае перед переходом дороги нужно убедиться, что машин нет с обеих сторон и только потом переходить дорогу. Понятно?
- Да-а-а-а!!! - хором закричали дети.
- Автомобильчик, а можно я за руль сяду и порулю... - попросил один мальчик.
- Нет, нельзя, - ответил маленький автомобильчик.
- А почему?
- Ты еще маленький.
- А когда можно будет?
- Когда тебе исполнится восемнадцать лет. Тебе сейчас сколько?
- Семь.
- Вот, через одиннадцать лет и приходи.
- Ой, как долго! - протянула девочка. - А что, всем, кому восемнадцать лет исполнится, можно рулить?
- Нет, не всем, а только тем, у кого есть права.
- А что такое права?
- Права или водительское удостоверение, это такая карточка, в которой есть подтверждение прав человека на вождение, фотография, срок действия и другие данные.
- А где права получить можно?
- Сначала нужно научиться.
- Чему? Машину водить?

- Не только. Нужно еще знать правила дорожного движения и устройство автомобиля.

- Как много! - протянули дети.

- Вот поэтому и выдают права только взрослым, - засмеялся маленький автомобильчик.

- Вот вырасту, научусь, права получу и буду на машине ездить! - мечтательно сказал маленький мальчик.

- А что такое ГИБДД?

- Государственная инспекция безопасности дорожного движения. Именно она отвечает за безопасность на дорогах и следит, чтобы соблюдались правила дорожного движения. При авариях расследование проводят не милиционеры, как вы говорили, а инспекторы ГИБДД.

- Автомобильчик, а откуда ты все это знаешь? - спросила маленькая девочка.

- Я же автомобиль, - гордо ответил маленький автомобильчик. - Хоть и маленький. Я должен все это знать. А иначе, как же тогда я бы ездил?

- А ты нас научишь?

- Конечно! Приходите! - заверил маленький автомобильчик.

А потом он развез детишек по домам. Родители забирали своих сыночков и дочек и благодарили маленького автомобильчика, помогали ему - кто бензина нальет, кто масла, кто тормоза подтянет...

А маленький автомобильчик был очень горд оттого, что теперь он нужен,

В НЕМ НУЖДАЮТСЯ!

Он знал, чем будет заниматься - он будет учить детей правилам дорожного движения!

2002

(Корректурa редакции)

ТАК ТРУДНО БЫТЬ ГЕРОЕМ

Екатерина Райз

Я маму обнимаю,
 Когда мне хорошо,
 И ей сказать желаю,
 Что я - не малышок!
 Я от нее не скрою,
 Что сын ее растет.
 Так трудно быть героем,
 Когда тебе - лишь год!

Любовную записку
 Рисую под столом,
 Она сидит так близко,
 Не ведая о том,
 Что за любовь до крови
 Хотел бы я стоять.
 Но трудно быть героем,
 Когда мне только пять!

Тетрадочку сердечком
 Купила мама ей,
 Я за ее крылечком
 Гоняю голубей,
 Но за ее косою
 Хоть завтра кинусь вслед.
 Так трудно быть героем,
 Когда тринадцать лет!

Иду за нею рядом,
 В руке – ее рука,
 Сказать бы что-то надо,
 Но я молчу пока.
 Она теперь со мною,
 Как солнце и луна.
 Я стал ее героем –
 Она – моя жена!

ДЕВОЧКА ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Василий Морозов

Маленькой девочке Тане было около шести лет. Каждый день она приходила на площадку возле дома с большим количеством коммунальных квартир и бельем на балконах и между подоконниками. Во дворе стояли редкие машины: два грузовика «полуторки» и пара трофейных «Велисов», частично разобранных на металлолом. Девочка почти целый день находилась на площадке, но не играла со сверстниками, жившими в этом доме. Вечерами за другими ребятами приходили родители, забирали их домой, а за Таней никто не приходил. Она сама шла домой, поскольку жила одна. Ее родители погибли еще в начале войны – она была «девочкой после Войны»...

Её долго никто не замечал – ну, приходила Таня одна, уходила домой тоже одна – ну, и ладно. Но однажды на Таню обратил внимание ее ровесник Паша, приходивший туда с няней. Он-то и подошел как-то к девочке, сидевшей на качелях:

- Привет, - начал он. - Как тебя зовут? Меня - Паша...

- Меня - Таня, - ответила девочка. - Привет...

- А ты чего все время одна? - поинтересовался Паша. - Ни с кем не играешь. Пойдем, - и взял ее за руку. - Вместе веселее будет. Вот, смотри, я, например, на этой палке скачу, как на лошади.

- Нет, спасибо, я здесь посижу, мне здесь больше нравится... - Таня не встала с качелей, продолжая их медленно раскачивать руками. - Там, где очень шумно, мне не нравится.

- А почему за тобой никто не приходит? - спросил Паша. - Меня, например, няня - тетя Марина приводит, а тебя? Или ты сама домой идешь?

- У меня просто никого нет... - честно призналась Таня - впервые за все время, что приходила на площадку. - Мои родители погибли во время войны, и я - совсем одна. Вот одна домой и хожу.

- А-а, понятно, - ответил Паша. - Я сейчас приду, ты меня здесь подожди, никуда не уходи...

И Паша ненадолго отошел в сторонку, а вернулся с няней - той самой тетей Мариной, про которую он говорил, дамой лет сорока, одетой в темное пальто, беретку и туфли, несмотря на то, что была середина осени.

- Вот она, эта девочка, - объяснял Паша няне на ходу. - Та самая, про которую я говорил. Ну, та, что домой одна уходит. Она говорит, что у нее нет родителей, и что живет - совсем одна. Честно, я не вру...

- Ну, здравствуй, Таня... - немного язвительно произнесла дама, подходя к девочке почти вплотную. - Меня зови - тетя Марина, я про тебя знаю. Не бойся, я ничего плохого тебе не сделаю.

- А я никого не боюсь, - ответила девочка. - Ни злых собак, ни плохих людей. Я же домой одна хожу, и живу одна, и мне ничего не страшно.

- А кормит тебя кто? - поинтересовалась няня. - Ну, кушаешь ты где?

- По-разному, - призналась Таня. - То за хлебом в магазин хожу, то соседи в доме молоко приносят, но вы не думайте - я ни у кого ничего не краду, я не умею воровать.

- А я это и не имела в виду, - немного обиделась дама. - Просто хотела тебя угостить. Если хочешь, можешь вместе с нами - со мной и Павликом - пойти к нам, мы тебя в гости приглашаем. Пойдем, когда захочешь.

- Я подумаю, - по-взрослому ответила Таня. - Может, и пойду.

И когда ближе к вечеру дама пришла за Пашей, Таня неожиданно, молча, отправилась следом за ними. Идти было недалеко - Паша с вечно работавшими родителями жил в одной из комнат огромной коммуналки с длинным коридором, вечно заваленным, непонятно чем. Они вошли в квартиру, оставили под вешалкой обувь и пробрались через коридор. Таня по очереди поздоровалась со всеми соседями Паши, которых встречала на пути в комнату, чему некоторые очень удивлялись - ведь жильцы там попадались весьма разнообразные.

Наконец Паша и Таня оказались в комнате. Девочка удивилась, что места было много, однако мебели стояло мало: на стене висел «радиоприемник-тарелка», книг практически не было, зато на подоконнике стояла черная настольная лампа со штативом в виде буквы «К».

- Проходи, - предложил Паша. - Сейчас тетя Марина нам даст поесть, а ты пока, если хочешь, можешь мои книжки детские посмотреть. Читать умеешь?

- Да, успела научиться недавно, - ответила Таня. - На улице газеты читала, вот и научилась. А тебе кто книжки покупает?

- Тетя Марина, - признался Паша. - Она меня тоже читать недавно научила, мне же через год в школу уже идти. А хочешь, - предложил он, - она и тебя ко мне в школу запишет?

- Как-то пока об этом не думала, - ответила Таня. - Не знаю, возьмут ли меня. Боюсь, что могут и не взять - скажут, неграмотная девочка, и все тут.

- Ничего не бойся, - пообещал Паша. - Тетя Марина тебе поможет.

Дама в этот момент вошла в комнату с медным чайником в руках и произнесла:

- Идите, мойте в ванной руки и приходите сюда, сейчас будут чай и сухари.

В ванной коммунальной квартиры заблудиться было совсем несложно - многочисленное белье с веревок свешивалось со всех сторон. Между простынями и тряпками запутаться было легко. Наконец дети нашли раковину с висевшим над ней железным умывальником, но мыла рядом не было. Кое-как помыв руки, оба вернулись обратно в комнату, где на столе уже стояли три кружки с чаем и сухарями, явно купленными в магазине.

- Садитесь, - начала дама. - Павлик, ты говорил, что часто видишь Таню на той площадке, где гуляешь. А ты, Таня, там с кем-то вместе играешь?

- Нет, почти ни с кем... - честно призналась Таня. - Мне, по правде, одной больше нравится, но иногда ребята подходят, что-то рассказывают, мы вместе во что-то играем, мне нравится.

- Понимаю, - ответила дама. - Но ты можешь вместе с Павликом играть во что-нибудь вдвоем, я ему разрешаю, поскольку вижу, что ты - девочка хорошая, воспитанная, со всеми взрослыми здороваешься. Так что под плохое влияние он с тобой никогда не попадет. Я в этом уверена.

- Спасибо, что так про меня подумали, - среагировала Таня. - Я давно про себя такого не слышала. В основном, всякие люди про меня гадости говорят, я их не могу уже слушать, поэтому часто от всех и ухожу в сторону. А вы - совсем не такая, как остальные взрослые, которых я встречала раньше.

- И тебе спасибо за добрые слова, - ответила дама, которую Паша называл тетей Мариной. - Ты - действительно, очень воспитанный ребёнок.

Разговор продолжался еще долго. Дама долго не могла понять, где беспризорная девочка шести лет от роду, потерявшая родителей через год после своего рождения, могла научиться вежливости в такое тяжелое время: во время войны и в первый год после нее. Не понимал этого и сверстник Тани Паша.

На самом же деле, все было очень просто: Таня очень рано осталась одна и родителей своих, погибших еще в начале войны, толком и не помнила. Она росла в обществе соседок по коммуналке, которые и воспитывали ее, как могли и как умели. Девочка была одета вполне прилично, но, правда, кормили ее редко, да и то, только тем, что у соседей оставалось.

Поскольку Таню воспитывали одни женщины, ничего плохого она не впитала, наоборот, всегда была весьма вежливой, и здоровалась даже с незнакомыми взрослыми людьми. Так ее научили. Но теперь в разговоре с тетей Мариной девочка очень удивилась, что кто-то готов буквально через год отдать её учиться в школу.

- Надо же, немного странно, - удивилась тётя Марина. - Получается, тебе очень повезло, что плохих людей в жизни ты не встретила, это радует. Но я могу тебе помочь дальше твой путь продолжить, - предложила она. - Если ты, конечно, этого захочешь сама.

- Это вы о чем? - удивленно переспросила Таня. - Я уже сама в жизни многое умею, конечно, хочу научиться большему, но не всему сразу, время еще есть, - и вдруг продолжила совсем по-взрослому. - Надеюсь, что войн больше не будет...

- Молодец, правильно говоришь, - поддержала ее дама. - Но я не об этом. Я могу разрешить тебе приходить сюда в гости, или вместе с Павликом буду тебя всюду водить - не только на площадке гулять, но и по всему городу. Ты же знаешь, город у нас - очень большой, интересный, я вам многое расскажу.

- Хорошо, я подумаю и обязательно вам скажу, - ответила Таня. - А сейчас, простите, мне уже пора идти домой - скоро темно станет. Я не боюсь идти одна, уже привыкла. Еще раз вам спасибо, - вежливо подытожила она, вылезая из-за стола. - До свидания, приятно было познакомиться.

Девочка вышла в коридор, где ей открыли дверь. Она выскользнула на лестницу и, спустившись на улицу, исчезла в людском потоке.

Вскоре пришли с работы родители Паши, и тетя Марина рассказала им об очередном дне, не раскрывая тайны знакомства с девочкой Таней. Затем она отправилась домой, чтобы утром вернуться обратно. Идя по темнеющим улицам, она вспоминала новую знакомую.

- Никогда бы не подумала, что такой можно быть в наше время. Девочке - всего-то шесть лет, на вид даже меньше, но она уже почти все умеет, умнее сверстников, хотя и растёт без родителей. Воспитали

соседки по коммуналке... Но, может быть, так и лучше – никто ее не испортил, плохому ничему не успел за это время научить, а ведь могло бы быть иначе. Значит, что-то ее спасло, что-то непонятное нам оберегает ее от плохого влияния, как только может, и это – очень хорошо, так и должно быть.

На следующий день тетя Марина снова привела шестилетнего Пашу на детскую площадку, где он всегда гулял. И они снова, но не сразу, увидели Таню, которая опять сидела в одиночестве на качелях в дальнем углу площадки. Завидев Пашу и его няню, девочка резко вскочила.

- Доброе утро! – крикнула она. – Очень рада вас видеть! А вы обещали, что куда-то нас поведете. Так и будет?

- Непременно, – ответила няня. – Если хочешь, прямо сегодня и пойдем. Но куда?

- Не знаю, – произнесла Таня. – Вы – взрослая, вам и решать.

- Говори – «старшая», – поправила ее тетя Марина. – Но я предоставляю тебе право выбора. Сама знаешь, город у нас большой, можно пойти во множество мест.

Дама повела обоих за пределы двора, почти в самый центр Москвы. Они шли по оживленным улицам, то и дело, оглядываясь по сторонам. Все казалось настолько непривычным, огромным и быстрым, как будто это был какой-то другой, неизвестный мир. Они шли вдоль магазинных витрин, особенно Тане понравилось, что в большой витрине одной хлебной лавочки висели баранки разного размера. Она показала даме на них, и той пришлось завести детей в магазин. Отстояв получасовую очередь, она смогла-таки осуществить детскую мечту, и уже в середине дня, вернувшись на детскую площадку во дворе, шестилетние Паша и Таня грызли баранки, разумеется, поделившись с тетей Мариной.

- Ну, как? – поинтересовалась та. – Довольны? На сегодня, к сожалению, больше ничего предложить не могу, не так уж много времени у нас, а потом, обещаю, что еще куда-нибудь обязательно сходим. Можете не сомневаться в этом.

В ответ Паша и Таня заулыбались, но сказать ничего не могли, поскольку с довольным видом продолжали грызть баранки – тогда для них это казалось пределом мечтаний.

Вечером снова пришли родители Паши, и тете Марине пришлось унести оставшиеся баранки с собой. Она обещала детям принести их на следующий день, и так потом и сделала. А по пути домой снова думала, чем еще можно было детей удивить.

- В кино вести – рано, – думала она. – В театр – тоже рано, цирки еще не полностью восстановлены, на стадион не сунешься сейчас. На концерте им неинтересно, церкви – под запретом, по магазинам – устанут, в зоопарк – долго ходить. Но надо что-нибудь придумать, только такое, чтобы и мне самой тоже было интересно.

И на следующий день она повела детей в самый центр Москвы, где они спустились в метро и просто катались по его линиям, любуясь архитектурой и оформлением станций «Кропоткинская», «Маяковская», «Арбатская», «Киевская» и так далее. Дети смотрели по сторонам с открытыми ртами – настолько все было удивительно. Тётя Марина не стала рассказывать, что в начале войны, во время авианалетов, метро превращалось в бомбоубежища, но интуитивно догадывалась, что и Паша, и Таня об этом и без нее могли знать. Только и они молчали. За подобные экскурсии, её могли бы, конечно, сильно поругать родители Паши, но тот им ничего не рассказал, а Тане делиться впечатлениями и так было не с кем, разве что во дворе. Но и там девочка - ни с кем не общалась.

Продолжение следует

СЕРЬЕЗНАЯ ПОМОЩЬ

Татьяна Лило

Перед праздником в саду
 Дали шарик мне: «Надуй!»,
 Потому что в группе нашей
 Я - серьезней всех и старше.
 Вот я сделал вдох поглубже:
 - Надувайся, шарик, ну же!
 Только шарик почему-то -
 Остается не надутым.
 Дунул я еще разок:
 Тут из рук мой шарик – скок!..
 Все смеются: «Это зайка?!
 Это зверь – ненадувайка!»
 Мне-то как смешно – ну очень!
 Только я сосредоточен:
 Набираю воздух в грудь -
 Много я могу вдохнуть!
 Вдох большой – не лезет в щелку:
 Как шары раздулись щеки.
 Я пыхчу, но все напрасно:
 Сам уже, как шарик – красный!

Как же мне его надуть?!
 Дую: ф-фу-у-у, а шарик - фьють!
 Снова: ф-фу-у-у - и только: ф-фшить!
 Сколько можно всех смешить?!
 Я же, правда, не нарочно!
 Так со смеху лопнуть можно!
 Я...п-хи-хи!.. Потом надую...
 Хаа- ха-ха! - ну не могу я!..

ТАРЕЛОЧКА

Елена Панфилова Надь

(Светлой памяти Людмилы Константиновны Зерновой посвящается)

- Если бы могли воспоминания сами на бумагу ложиться, такая повесть вышла бы! А то мало, что сами не записываются, так ещё и скачут, словно белки...

Таисия улыбнулась своим мыслям и потянулась к стопке вымытой посуды за следующей тарелкой.

- Вот эту тарелочку взять - вроде она простенькая - белый фаянс, по краям маленькие букетики: сверху розовый мазок-лепесток, по бокам от него - два голубеньких, а снизу три зелёных листика.

Прислонившись к подоконнику, Таисия медленно вытирала тарелку и пристально разглядывала её.

- Надо же, какая сеточка трещинок образовалась с годами ... и пятнышки какие-то появились...

В открытое окно задувал мягкий майский ветер, пахло раскрывшимися тополиными почками.

- Девятое Мая. И тогда, в сорок пятом, погода в этот день хорошая стояла. Нам как сказали, что войне конец, победа наша, господи, что мы только творили! И визжали, и прыгали, и обнимались. Дети же. А потом кто-то крикнул: «А тарелка-то!..» И все побежали к Вале.

Когда вывозили детей из блокадного Ленинграда, мало у кого были с собой хоть какие-то вещи. У большинства ничего и не сохранилось. Особым предметом зависти были фотографии, письма от родителей. Очень ценились какой-нибудь домашний шарфик или вышитая салфетка. А у Вали в маленьком фанерном чемоданчике хранилась своя домашняя настоящая фаянсовая тарелочка, точь-в-точь такая, как эта: розовый мазок, два голубеньких и три зелёных листочка. В детском доме кормили не из жестяных мисок, нет, тарелки были. Но сделанные из целлулоида они противно пахли, когда в них наливали горячее. А ела Валя из фаянсовой тарелки. После заботливо мыла её и прятала в чемоданчик. На что только не пытались эту тарелочку у Валуши выменять! Но она держалась твёрдо: «Нет, вот разобьём немца, тогда я эту тарелочку разобью. Чтоб война от нас отвязалась». И вот толпой, чуть ли не всем детдомом, ввалились мы в спальню и

окружили кровать, на которой Валя сидела. Стояли и молчали. А она поднялась, достала чемоданчик, вынула тарелочку, посмотрела на неё, а потом подняла повыше и отпустила. Брызнули в стороны белые осколки, мелькнули розовые и голубые мазочки-лепесточки. Радостно было, а тарелочку всё-таки жаль.

...Таисия глубоко задумалась. Прижав к груди тарелочку и влажное полотенце, она смотрела в окно, но ничего не видела. Отпущенные на свободу воспоминания мчались дальше.

- Как обрадовалась, когда увидела на прилавке промтоварного магазинчика точно такие тарелочки. Конец мая стоял, сдавала последние экзамены в техникуме, готовилась к отъезду. Незадолго до этого вышла замуж и назначение молодому лейтенанту дали в Венгрию. Ей хотелось, чтобы хоть что-то своё было в хозяйстве на первый случай. Толик убеждал не возиться с покупками: дескать, куда военного судьба занесёт, там он и обустроится. Мужа она слушалась, но тарелки купила, не удержалась. Очень уж ту, Валину напоминали. В Венгрии действительно хорошо устроились, и посуда была прекрасная, не чета простому фаянсу. Хорошо жили. До того дня в 1956 году, когда, зажимая под мышкой сумочку с документами и прижимая к груди годовалую Людочку, вместе с другими женщинами и детьми, которых собрали в центральной части гарнизона, томилась она страхом и неизвестностью, в то время как мужчины исполняли свой воинский долг. При первой возможности их эвакуировали в Союз.

Здесь устроили, конечно. Жильём её обеспечили, работу нашли, а Людочке пенсию за отца назначили, садик без очереди дали. Жили не хуже людей.

Как-то у Толиной мамы гостили, а там такая же тарелочка оказалась. Сама Таисия в жизни не решилась бы попросить, но малоежка Людочка так из неё хорошо кушала, что бабушка умилилась и сделала внучке подарок.

И опять - майский день. Мыла после завтрака посуду, когда в дверь позвонили. Людмила бегом бросилась открывать, даром, что на сносях была: Гриша из Афгана обещал письмо передать и посылочку для маленького.

Таисия поёжилась.

- Как Людочка закричала! До сих пор при воспоминании - мурашки по коже. Уже потом, когда уехала скорая, и поплакали вместе, и поговорили. И выругать дочку пришлось: никто не гнал замуж за военного. А теперь она уж обязана ребёночка беречь, Гришину кровиночку. После всего этого вошла в кухню, а там весь пол осколками усыпан. Розовый мазок, голубой мазок, зелёные листики...

А эту купила в 1991, когда вся страна в сплошной блошинный рынок превратилась: стелили на асфальт газету или клеёнку и расставляли, раскладывали домашний скарб, припасы. Вот у одной женщины в стопке разномастных тарелок и увидела снова знакомые розовые и

голубые лепесточки. Не устояла, купила. Думалось: внучка замуж выйдет, буду правнучку из любимой тарелочки кормить.

Разве можно загадывать! Вышла Галинка замуж, а новобрачного в армию призвали. И сразу в Чечню. Очень уж его мать потом убивалась: «Не осталось у меня на земле родной кровиночки! И зачем вы, Галенька, до свадьбы-то терпели...»
Что-то грохнуло в вечернем воздухе.

- Обстрел! Да нет, какой обстрел, из детства воспоминание пришло. Просто петарда.

Однако руки от испуга разжались, и любимая тарелочка усеяла пол белыми осколками. Приходя в себя, Таисия всхлипывала и вытирала слёзы.

В кухню вошла внучка.

- Бабуленька, ты что, родная? Не плачь, посуда к счастью бьётся. Крепкие молодые руки ласково обняли Таисию за плечи, гладили успокаивающе по спине. Прижавшись к бабушке круглым, тугим животом, Галя потёрлась о её морщинистое лицо нежной щёчкой и защебетала:

- На УЗИ сказали - девочка, а Сашка расстроился. Глупый он, девочки-то лучше! Когда много девочек родится, войны дольше не бывает.

- Вот и славно, - подумала Таисия. - Не жалко тарелочки, только бы отвязалась от нас, наконец, война эта проклятушая.

РАССКАЖИ МНЕ СКАЗКУ...

Анна Андропова (Анна Дудка)

У Дождя Дождевича и Дождини Ливневны было трое маленьких славненьких дождят. Старший очень озорной, его звали Дождик, младшую сестренку — Тихая Дождинка, ну а самый маленький — Золотой Дожденок. Все в нем души не чаяли — такой он был прехорошенький, приветливый и веселый. Тряхнет своими золотыми кудряшками-фонтанчиками, повернется радужной спинкой, и все вокруг сразу заулыбаются.

Дождь Дождевич каждый день уходил на работу — поливать сухую землю. А Дождиня Ливневна готовила еду и присматривала за детьми. И все в этой семье было замечательно, пока не приключилась беда.

Как-то раз шалунишка Дожденок проголодался и подбежал к маме. — Мамоchка, а что у нас сегодня на обед?

- Твоя любимая захлебка, сыночек.
- С вкусными градинками?
- С самыми вкусными на свете градинками. Так что потерпи немного. Вот вернутся Дождик и папа, и мы все вместе покушаем. Ну-ка, позови Дождинку. Чем она там занимается?
- Дожди-и-нка! Тебя мама зовет!
- Вошла на кухню Тихая Дождинка и подошла к маме.
- Доченька, покажи братику, как нужно цепляться к туче. Помоги ему, пока я занята. Выбирай облако поменьше, пока Дожденек не научится, и далеко не улетайте.
- Дети весело выбежали из дома, и Дождинка сразу же поймала белое ватное облачко. Она ласково объясняла малышу, какое облако больше подходит, чтобы прицепиться получше, какой ногой нужно отталкиваться, чтобы попасть в самый центр облака, и как лучше лечь, чтобы не упасть и подольше покататься, пока не захочется пролиться на землю.
- Знаешь, как выбрать правильное облако? Нужно, чтобы в середине у него был вот такой плотный крючок. Хватай его и цепляй за поясик. Видишь, как я...
- Но у меня еще нет пояса.
- И правда. А без пояса ничего не получится. Пойдем, спросим у мамы, где твой поясик.
- И только что они хотели пойти домой, как откуда ни возьмись, налетел Вихрь и унес Дожденка. Дождинка закричала:
- Мамочка-а! Дожденка украли-и-и!
- Выбежала на порог испуганная мама, схватила Дождинку, в страхе, что и ее могут украсть.
- Скажи, что ты видела? Кто унес Дожденка?
- Не зна-а-ю-ю! - плакала Тихая Дождинка. - Я ничего не заметила-а, Вихрь какой-то налетел.
- А как он был одет? - допытывалась Дождиня Ливневна.
- Кажется, в синюю разлетаючку и золотой... нет, серебряный. Не помню-ю-ю...
- Капелька моя, успокойся, ты ни в чем не виновата. Так что, говоришь, «золотой» или «серебряный»?
- Шлем.
- Шлем... очень похоже на Залетный Ветер. Тот и бабушку твою унес. Тогда я только на свет появилась. Так ни разу ее и не видела. Сколько ни искал ее твой дедушка Грозовой Ливень...
- Тихая Дождинка перестала плакать.
- Что же нам делать? - и такое отчаяние было в ее голосе, что маме ничего не оставалось, как приголубить малышку и успокоить.
- Мы с папой обязательно что-нибудь придумаем и найдем нашего Дожденка, - шептала она доченьке, а у самой такой уверенности не было. Да и откуда было взяться уверенности, когда Дождиня забыть не могла свое сиротское детство. Нет, конечно, отец заботился о ней, но

материнской любви она так и не извела. Потому со своими детьми Дождиня была такой ласковой, что хватало бы на всех дождят в мире. Дождиню, или Дождёнку, как ласково называл ее папа, Грозовому Ливню пришлось воспитывать одному. Маму, которую Дождиня не помнила, звали Золотой Клубящейся Росой из-за того, что она, будто золотой туман, окутывала сам Эльбрус и переливалась в лучах солнца. Однажды, на рассвете или на закате, Грозовой Ливень точно уже не помнил, он увидел розовую, нежную, обволакивающую утес дымку. Он тогда висел под огромной свинцово-серой тучей и выбирал место для полива. И тут он посмотрел вниз и увидел переливающееся полупрозрачное облако Золотой Клубящейся Росы. Не успев ни о чем подумать, он мигом пролился поближе к ней, чтобы разглядеть ее получше. А разглядев, предложил ей все свои будущие грозы и гремящие горные водопады. Застигнутая врасплох Роса, пораженная величием и могуществом Грозового Ливня, сразу поняла, что лучшего защитника ей и искать не нужно, и согласилась стать его женой. Вскоре родилась у них чудесная, прозрачная, как горный хрусталь, золотистая, как солнечный луч, свежая, как утренняя роса, очаровательная девчушка, которую Ливень назвал Дождиной, будто ждал ее всю жизнь и наконец, дождался.

И все бы хорошо, да завихрился в тех местах Залетный Ветер. Увидел он дымку Золотой Клубящейся Росы и унес ее неизвестно куда. Когда же Грозовой Ливень вернулся домой, то не застал уже своей любимой. Плакала крошечная Дождиня, кушать просила. Покормил ее Ливень да спать уложил, а сам пошел искать жену. Но далеко он уйти не мог, надо было за ребенком ухаживать, растить, воспитывать. Грозовой Ливень всех расспрашивал, кто видел, как это случилось. Тогда ему Гремучий Поток поведал, что Золотую Клубившуюся Росу унес Залетный Ветер и спрятал в далеких пещерах.

Долго искал Грозовой Ливень свою единственную, но тщетно, так и вырастил один Дождиню Ливневну.

А уж она выросла большой, могучей, да такой красавицей, каких еще поискать нужно. И такая от нее исходила свежесть, что как увидел ее Дождь Дождевич, вдохнул ее весенний аромат, так и голову потерял и решил не отпускать ее от себя ни на шаг. А Дождиня Ливневна, взглянув на него, поняла, что будет у них много маленьких отпрысков, потому что сердце ее принадлежит теперь только ему.

Правда, к Дождине Ливневне сватался брат Дождя Дождевича, Моросейка Дождевич, но его занудный характер раздражал Дождинюшку. Ей больше по нраву был открытый, прямой и пылкий Дождюшка. Он и ухаживал за нею не таясь, не то что Моросейка — прикроется туманом, придет исподтишка, боясь показаться в невыгодном свете, и все напраслину на других наговаривает, весь белый свет черной краской вымазать хочет. Они со своей сестрой — Моросью Осенней — ну просто, два сапога — пара. Та тоже как заладит свои жалобы да хлюпанья, такую сырость разведет, пиши пропало,

вечно с красным носом ходит, да о своих несчастьях гундосит. Плачет, что к ней никто не сватается, что никому-то она, раскрасавица такая да веселушка, не нужна.

А родителей мужа своего Дождинюшка всем сердцем полюбила и жалела. Хорошие они были старики, Дождь Дожденкович да Моросинушка Тумановна. Добрые, тихие, теплые. Они тоже полюбили Дождинюшку. Да и как иначе? Их Дождь Дождевич выбрал себе необыкновенную женушку. Уж если прольется на поля Дождиня Ливневна, там люди благодарят Бога за богатый урожай — такой живой водой она орошала землю.

Вспоминая их свадьбу, старики смеялись. Молодые пригласили столько родственников, что люди испугались второго потопы — такие потоки лились с небес. Земля сотрясалась от их гулянья да плясок. Залило не только поля, но и дома. Да благо, длилась свадьба недолго.

Потом уж редко удавалось Дождине Ливневне дарить людям радость — слишком много хлопот было по хозяйству, да и за детьми нужен глаз да глаз. Вон старший Дождик опять куда-то убежал, как уследишь за ним? Большой уже. Подросток. Отпустил длинные волосы, челка глаза его синие закрывает. И вечно с ним что-то случается. Сколько раз его предупреждала Дождиня-мама не совать нос туда, где встречаются Ураганы, Свинцовые Грозовые Тучи, Громы-Молнии да Смерчи-Тайфуны разные. Ведь не посмотрят, что мал, разнесут в клочья, испепелят. Им-то что? А родителям - горе. Утешением для Дождини была ее Тихая Дождинка. Умница, рукодельница, во всем послушная доченька. Утром попросит маму волосы расчесать, уж очень они у нее удались густые да волнистые — самой трудно ей с ними было справляться да в косы заплетать. Больше ни о чем она никого не просила — сама справлялась и другим помогала. Недавно увидел ее Грозовой Ливень, чуть не расплакался, сказал, что очень его внученька похожа на бабушку, Золотую Клубящуюся Росу: и глазами зелеными, и пышными золотистыми кудряшками, да и тихим нравом в бабушку пошла. Вот только жаль, что та этого не видит.

А Залетный Ветер принес тем временем Дожденка к своей Золотой Клубящейся Росе, которая за многие годы пребывания в пещере совсем высохла и уже готовилась к близкой смерти, поэтому и попросила своего мучителя принести ей внука. Она хотела передать ему семейную ценность — золотой пояс, который в их семье переходил к младшему. Вместе с этим пояском передавались сила и умение выпадать даже в солнечную погоду, восхищая всех игрой радуги. Люди называли такой дождик грибным и всегда ему радовались. Давно когда-то бабушка, передавая Золотой Клубящейся Росе этот пояс, наказала ей передать его внуку Дожденку — бабушка уже тогда все знала наперед. Почему только она не предупредила свою любимую внучку, не научила Золотую Клубящуюся Росу, как уберечься от Залетного Ветра? Не было у Росы ответа на этот вопрос. Когда пленница увидела своего внука, то затряслась от рыданий, слез у

нее не было — настолько вся она высохла в этой жуткой пещере. Ее сил хватило лишь на то, чтобы поцеловать Дожденка, сказать, что она - его бабушка, и застегнуть на нем чудесный золотистый пояс, который давно уже стал ей велик и лежал под подушкой без дела. А уж Дожденок в этом пояске стал еще краше. Не хотела отпускать внучонка бабушка, да понимала, как беспокоится ее Дождиюшка, и наказала Ветру отнести побыстрее малыша домой. Сильный Залетный Ветер снова подхватил Дожденка, и след их простыл.

Однако когда они вылетели из пещеры и поднялись в небо, Дожденок просунул голову между складками разлетайки Ветра и посмотрел вниз. Теперь он уже не так боялся своего похитителя и хотел получше рассмотреть места, над которыми они пролетали. А места были действительно очень красивые: лес, холм и на холме - какой-то старинный полуразрушенный замок, посеревший от времени. Дожденок еще никогда не видел замков и не знал, как называется это строение. Но мы-то знаем, какими угрюмыми бывают средневековые замки, где в паутине и вековой пыли живут летучие мыши.

Залетный Ветер разгадал хитрость Дожденка и решил унести его подальше от родных мест, чтобы тот не рассказал, где находится его бабушка.

— Ах ты, гадкий мальчишка! Меня еще никому не удавалось перехитрить.

С этими словами Залетный Ветер швырнул Дожденка и улетел. Ветер только не учел, что малыш получил в подарок золотой пояс и помнил урок сестренки. Поэтому когда он один оказался в воздухе, то решил ухватиться за тучку.

Дожденок огляделся и увидел, что падает прямо на облачко. Вспомнив слова Дождинки, он сразу стал искать в нем плотный крючок, нашел и прицепился пояском. Но ветра не было, и облако стояло неподвижно в небе. Сверху припекало Солнце, и облако быстро таяло под его лучами. Дожденок очень испугался: когда теперь он попадет домой, увидит маму, попробует ее захлебки. И тут он понял, как проголодался, увидел, что пояс стал ему велик и застегнул его потуже.

А в это время его тучку подхватил Попутный Ветер, который часто бывал у них в гостях и тоже обожал Дожденка. Голубая разлетайка Попутного Ветра и такого же цвета кудри сливались с небом, поэтому Дожденок не сразу его заметил.

— Да ты, я вижу, совсем повзрослел, а, Дожденок? Не боишься один разгуливать по небу? И как тебя только Дождиня отпустила, а?

— Дядюшка Попутный Ветер! Как хорошо, что ты меня встретил, а то я не знал, как вернуться домой.

— Как же ты здесь оказался, малыш?

— Меня унес Залетный Ветер. Я видел бабушку. Она мне подарила вот этот пояс. Но если мы ей не поможем, она умрет. Поэтому мне надо быстрее вернуться, чтобы мы смогли ее забрать.

— Тогда держись, малыш! Я - мигом!

А в это время родители Дожденка убивались, не зная, где искать свое наглядное чадушко. Утешали Дождинку, уверяли, что она ни в чем не виновата, но та была безутешна.

— Ну все, хватит плакать, а то будешь, как Морось Осенняя, с красным носом да, чего доброго, станешь, как она, брюзжать. И придется тебе стать ночной сыростью, чтобы никто тебя больше не видел. Ты что, моя маленькая, ну-ка успокойся... Найдется наш Дожденочек, никуда он не денется. — Так утешала себя и своих детушек никогда не падавшая духом Дождиня Ливневна. Она радовалась, что старший Дождик вернулся домой и вместе с ними теперь думал, как бы помочь их горю. Правда, сначала он покушал потому, что за целый день уж очень проголодался. Ну да без еды кто может хоть что-то сообразить?

Пришел отец и, взглянув на расстроенные лица родных, воскликнул: «Та-ак, выкладывайте, что тут у вас приключилось!»

Но, узнав, в чем дело, сам очень огорчился и, подумав, сказал:

«Я, кажется, догадываюсь, чьих это рук проделки. Дождинюшка, а ты не думаешь, что, то же случилось и с твоей мамой, Золотой Клубящейся Росой? Помнишь, ты рассказывала? Как его там... Залетный, что ли, Ветер, так?

Дождиня Ливневна кивнула.

— Что ж, на этот раз ему это с рук не сойдет...

И только что он это сказал, как на пороге показался Дожденок. С криком:

«Мамочка, я такой голодный! Целый день мечтал о твоей захлебушке!» — он бросился к Дождине Ливневне.

— Слава Богу! Где ж ты был, золотце мое? Мы тут чуть с ума не сошли. Все бросились трогать, целовать и обнимать маленького братика и сыночка, расспрашивать, рассматривать его чудесный золотой поясок. А мама уже наливала всем миски с ее волшебной захлебкой, приправленной вкусными градинками и ее неповторимой свежестью. И не сразу заметили, что вместе с Дожденком вошел Попутный Ветер. Пригласили и его к столу.

После ужина Дождь Дождевич посадил на колени Дожденка и стал его расспрашивать обо всём, что произошло. А, выслушав его рассказ, стал задавать вопросы о том, что же он по пути видел. Дожденок рассказал и про лес, и про незнакомый дом на высоком холме, под которым находилась пещера, в которой держал в заточении бабушку Залетный Ветер.

— Бабушка совсем высохла. Она умрет, если ты, мамочка, не накормишь ее своей самой вкусной на свете захлебкой.

Когда дети улеглись, родители стали думать, как выручить Золотую Клубящуюся Росу. Они решили утром пойти к Грозовому Ливню и вместе с ним лететь на выручку бабушке.

Рано утром Дождиня вместе с детьми постучали в дверь домика Грозового Ливня. Его домик прилепился к высокой горе, окутанной грозowymi тучами. Это был домик, где когда-то жили они втроем с

Золотой Клубящейся Росой и крошечной Дождиной. Грозовой Ливень надеялся, что вернется его любимая, поэтому не менял жилье, иначе как бы она его нашла, если бы смогла вернуться.

В этот день Грозовой Ливень готовился уже выходить, чтобы отправиться в жаркую пустыню, где всегда не хватает воды. Увидев дочку с внуками, он очень обрадовался и удивился:

— Что случилось, мои дорогие? – И он подхватил на руки и Дождика, и Тихую Дождинку, и Золотого Дожденка, но, крикнув от тяжести, присел на стул и усадил внуков к себе на колени. Внуки понимали — постарел их грозный дедушка, силы уже не те.

Увидев, как сдал отец, не стала Дождиня его расстраивать, решила, что сами они с мужем выручат Золотую Клубящуюся Росу. Только попросила отца присмотреть за детьми, пока они с Дождем Дождевичем слетают по одному очень важному делу.

— Что за дело такое? – беспечно спросил дедушка. Он так обрадовался свиданию с внучатами, которые, то теребили его бороду, то разглядывали его расписной пояс, то весело смеялись над своими шутками, что не придавал значения неожиданному появлению дочери и уж совсем странному ее предложению - за детьми присмотреть вместо того, чтобы поливать сухую землю.

— Долго объяснять. Вернемся, тогда и расскажем...

И с этими словами Дождиня Ливневна закрыла за собой дверь. А за домом ее уже ждали Дождь Дождевич и Попутный Ветер. Последний быстро их домчал до того холма, на котором стоял храм и под которым скрывалась та самая пещера с Золотой Клубящейся Росой. Вход в нее зарос крапивой и всякими сорняками, так что снаружи стал почти незаметным. И если раньше Залетный Ветер, уходя, закрывал его старым плащом, чтобы пленница не смогла оттуда выбраться, то теперь, когда она совсем обессилела и стала задыхаться, он перестал это делать. Так, что спасатели беспрепятственно проникли в затхлую темную пещеру. Войдя, они увидели лежавшую на ложе из прошлогодних листьев, прикрытых старым плащом, высохшую, обессиленную и поседевшую старушку. Рядом никого не было. Видно, Залетный Ветер где-то гулял и не смог помешать этой встрече.

— Мамочка,- прошептала Дождиня и бросилась к ней.

— Доченька моя, красавица. Теперь и умирать не страшно.

— Сейчас, сейчас, родная, – и Дождиня протянула своей маме фляжку со своей целебной захлебкой. – Только понемножку, мамочка, сразу все не пей...

После трех глоточков оживились глаза у Золотой Клубящейся Росы, и она даже приподнялась над кроватью. Попутный Ветер подхватил всех троих и отнес к домику Грозового Ливня. То-то было радости в семье! Грозовой Ливень не мог остановить рыданий, и Гремучий Горный Поток в то время превратился в Гремящий Водопад.

С помощью своей чудо-захлебки Дождиня Ливневна быстро поставила мать на ноги, хотя в этом случае уместнее будет сказать помогла

возродиться Золотой Клубящейся Росе, которая стала теперь Серебряной, но такой же прекрасной, какой была раньше.

Вам, наверное, хочется узнать, прилетал ли за ней Залетный Ветер? Конечно, прилетал. Но наученный горем Грозовой Ливень подарил своей ненаглядной свой расписной пояс, которым она, когда выходила погулять, пристегивала себя к скале, и никакой ветер уже не был ей страшен. А как же без пояса обходился Грозовой Ливень? Ему сплела новый пояс внученька Тихая Дождинка под руководством бабушки Моросинушки Тумановны. А когда она его плела из золотых и серебряных нитей тумана, росы и дождя, то тихонько напевала:

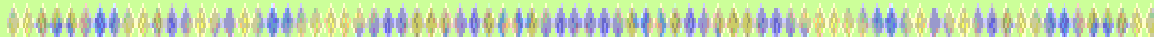
«У Дождя Дождевича
И Дождини Ливневны
Было трое маленьких
Славненьких дождят.
Старший Дождик озорной,
Тихая Дождинка
И Дождёнок золотой —
Радужная спинка...»

А маленький Дожденок все сравнивал поясок, который плела Дождинка, со своим и не мог решить, какой из них лучше.

© Copyright: Анна Дудка, 2008

ДЛЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ:
ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ПЕРЕСКАЗ МИХАИЛА БЛЕХМАНА ИЗВЕСТНОЙ СКАЗКИ ЛЬЮИСА
КЕРОЛЛА «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС» С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ДАРЬИ РАКОВОЙ И ФОТО ОЛИ
БЛЕХМАН – ПО АДРЕСУ: www.ling98.com/Alice.zip

«МАвочки и ДЕльчики»:

<http://www.stihi.ru/author.html?mavdel>

<http://www.proza.ru/author.html?mavdel>

http://www.litsovet.ru/index.php/litob_journal?journal_id=53

Адрес редакции: mavdel@mail.ru

Состав редакции:

Григорий Тер-Азарян

Илана Арад (Елена Левин)

Елена Панфилова

Тираж: 811 экз.

Рисунок Винокурова Дениса, 11 лет - «Путь к победе»

2009

1945

1940